

ЛАРА ЧИТАЙ

НЕВЕРНЫЙ

Семья, которой НЕТ

Лара Читай

Неверный. Семья, которой нет

<https://litres.ru/74262503>

Аннотация

Ты хочешь тайн? Хочешь текста, которого нет? Хочешь чувств, которые жгут? Я научусь. Я выучу этот язык. И я напишу наш роман сама. До последней точки. До последней, предсмертной строки.

И в этот момент мое сердце, которое, я думала, уже окаменело, сжалось от такой острой, физической боли, что я вскрикнула. Тихо, по-звериному. Это был звук раненого животного.

Он смотрел на другую женщину так, как когда-то смотрел на меня.

Она только хотела сохранить семью, которую строила и берегла все эти годы. Но чувство мести рождалось и расцветало. Он старался всё вернуть на круги своя. И это еще больше уводило в никуда.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Каталог отсутствий	10
Глава 2. Фон	27
Глава 3. Зеркало для героя	37
Глава 4. Полевые испытания	48
Глава 5. Игра в правду	61
Глава 6. Карта развалин	72
Глава 7. Пыль на солнце	81
Глава 8. Сторонний наблюдатель	91
Глава 9. Промежуточная станция	101
Глава 10. Лоскутное одеяло	110
Глава 11. География тишины	119
Глава 12. Предварительные итоги	130
Глава 13. Бумажные птицы	139
Глава 14. Отзвук	147
Глава 15. Послевкусие	155
Глава 16. Высокая вода	164
Глава 17. Счетчик песка	174
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Пролог

Мой муж перестал быть для меня загадкой ровно три года, два месяца и семнадцать дней назад. Не в тот день, когда я нашла в кармане его пиджака чужой шарфик – шелковый, цвета прокисшего вина. И не когда он, забывшись, назвал меня в постели «Лерой». И даже не когда я, включив режим «Найти iPhone» для забытого им планшета, увидела маячок в тихом центре, в двадцати минутах от нашего дома, в час, когда он должен был быть на деловой встрече в другом конце города.

Нет. Загадка испарилась раньше. Она растворилась в тысяче бытовых деталей: в том, как он перестал оставлять утреннюю чашку в раковине, а начал аккуратно мыть ее и ставить на сушку. В новом, непривычном парфюме – с нотками сандала вместо привычного бергамота. В его внезапном увлечении старым французским кино, которое он раньше терпеть не мог. Он создавал нового себя, тщательно, по кирпичику, а я, дура, видела лишь приятные метаморфозы: стал аккуратнее, утонченнее, культурнее. Я хвалила его. Говорила: «Как здорово, что ты открываешь в себе что-то новое в нашем возрасте, Андрей». Ему было тогда сорок семь. Мне – сорок пять.

Детей к тому времени уже не было дома. Аня заканчивала магистратуру в Праге, Игорь уже работал в Москве. Наша

большая квартира, выстрадавшая, выбранная с таким трудом десять лет назад, вдруг стала эхом. В ней зазвучали тихие, посторонние звуки: скрип половицы на балконе (он там курил, думая, что я не знаю), монотонное жужжание холодильника, тиканье напольных часов, подаренных его покойной матерью. И в этом эхе наши голоса, наши «передай соль», «как прошел день?», «завтра надо вызвать сантехника», звучали странно гулко, как будто мы разыгрывали пьесу для пустого зала.

Я думала, это кризис пустого гнезда. Читала статьи, советовалась с подругой Юлькой, та, хохотушка, говорила: «Расслабься, Марин, теперь жизнь для себя начинается! Займись наконец йогой, съезди на море одна!» Я пыталась. Записалась на йогу. Поехала одна в Грузию. Фотографии с горных перевалов, с чашкой горячего вина в старом Тбилиси, я выкладывала в социальные сети, тщательно выбирая фильтры. Андрей ставил лайки. Иногда комментировал: «Красиво!» или «Завидую!». Из его командировок тоже приходили такие же гладкие, туристические фото. Мы стали виртуозными кураторами собственной, правильной жизни.

А потом был тот вечер. Дождливый октябрьский вечер вторника. Я копалась в его старом ноутбуке, который он отдал мне под хранение рецептов и фотографий, хотела найти снимки Игоря с выпускного. В папке «Рабочее» среди скучных таблиц и договоров я нашла файл с названием «Ideas.txt». Открыла.

Это не было любовное письмо. Это было страшнее. Это были обрывки мыслей, как бы набросанные для будущего текста. Возможно, для нее. Или просто для себя. Строчки, от которых кровь отхлынула от лица и застучала в висках.

«...она пахнет не домом, не привычкой. Она пахнет неизвестностью. И молодостью. Не возрастной, а какой-то внутренней, дикой...»

«...когда она говорит, я ловлю себя на том, что просто смотрю на движение ее губ. Не слышу слов. А раньше с Мариной я всегда ждал, когда она закончит свою мысль, чтобы вставить свою, более правильную, более логичную...»

«...боюсь этого тумана, этой всепоглощающей тишины между нами. Мы отстроили идеальную жизнь, как крепость. И теперь сидим в ней по разным башням, стреляя друг в друга взглядами поверх бойниц...»

«...с ней легко. Не потому, что она простая. А потому, что с ней я не должен быть тем, кем стал. Я могу быть тем, кем мог бы быть...»

«...ужасно. Чувствую себя ужасно. Но это единственное, что заставляет меня чувствовать что-то остро. Гвоздь в туфле собственной благополучной жизни...»

Я сидела перед синим мерцающим экраном, и мои руки лежали на клавиатуре, холодные и чужие. Я не плакала. Не кричала. Я просто дышала, очень внимательно, следя за тем, как воздух входит в легкие и выходит обратно. Это было все, на что я была способна. Мой мир, выстроенный за двадцать

пять лет брака, не рухнул. Он просто испарился. Стал плоской декорацией, за которой зияла черная, беззвездная пустота.

И в тот момент я поняла главное: я не хочу его терять. Не потому, что люблю. А потому что ненавижу эту пустоту. Потому что моя история, моя биография жены, матери, хозяйки этого дома, была вписана в него. Без него я становилась... никем. Женщиной сорока восьми лет с хорошей, но не головокружительной карьерой (я ведущий архитектор в небольшой, но уважаемой мастерской), с взрослыми детьми, у которых своя жизнь, с квартирой, в которой слишком много тишины.

Я закрыла файл. Выключила ноутбук. Пошла на кухню, заварила себе чай – ройбуш, который он не любит. И приняла решение. Молча, про себя, как принося обет.

Я не буду устраивать сцен. Не буду рыться в телефоне. Не буду следить. Я буду ждать. Я буду изучать. Я узнаю его заново. Этого нового Андрея, который боится тумана и ищет гвоздь в туфле. Я стану этим гвоздем. Но не в туфле. В его сердце. Или в том, что он теперь называет сердцем.

Это была не война за любовь. Это была война за территорию. За наше общее прошлое, которое он пытался предать. За наше будущее, которое он хотел украсть у меня и подарить какой-то... Лере. За мое собственное «я», которое он своим молчаливым предательством низвел до роли обслуги в крепости-музее.

Я посмотрела в темное окно, где отражалась моя фигура — еще стройная, волосы, окрашенные в дорогой каштан, чтобы скрыть седину, лицо, на котором горечь пока только намечалась легкой складкой у губ.

«Хорошо, Андрей, — прошептала я своему отражению. — Ты хочешь тайн? Хочешь текста, которого нет? Хочешь чувств, которые жгут? Я научусь. Я выучу этот язык. И я напишу наш роман сама. До последней точки. До последней, предсмертной строки. А ты даже не поймешь, когда перестанешь быть автором и станешь... просто персонажем. Моим персонажем».

И я улыбнулась. Впервые за долгие месяцы это была не социальная, привычная улыбка жены и матери. Это была улыбка охотницы. Сорокавосемилетней, мудрой, отчаянной и смертельно опасной охотницы, которая только что вышла на тропу.

Дорогие читатели!

Благодарю вас за интерес к моей новой книге.

Роман основан на реальных событиях, но не лишен художественного вымысла автора.

«Неверный. Семья, которой нет» — это не про любовный треугольник. Это про то, что наступает «после».

После того, как обиженная женщина пытается найти в себе силы сохранить то, что столько лет строила и берегла. Пытается найти оправдание предателю, но вместе с тем строит план мести.

Я приглашаю вас пройти этот сложный путь вместе с моими героями. Обещаю, финал будет счастливым.

Если роман вас зацепил, то:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,

- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить новинки,

- поставьте лайк и напишите комментарий – ваше мнение бесценно.

Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.

Искренне ваша, Лара Читай!

Глава 1. Каталог отсутствий

Сегодня суббота. Он сказал, что поедет на дачу один – нужно поправить забор, подготовить участок к зиме. Раньше мы делали это вместе. Это был наш ритуал: термос с чаем, бутерброды, старая одежда, смех над криво забитым гвоздем. Теперь ему «нужно побыть одному, чтобы сосредоточиться».

Я не стала возражать. Кивнула, сказала: «Хорошо. Возьми мою красную куртку, там на участке холодно». Куртка – кричаще-алая, дутая. Он ее ненавидит. Я это знаю. Я наблюдала, как он сжал губы, но промолчал, отправляя ее в сумку. Маленькая победа. Капля яда в его уединение.

После его отъезда я не стала заниматься йогой или смотреть сериал. Я провела ревизию.

Я начала с его кабинета. Не с обыска – с изучения. Я прикоснулась к корешкам книг на его полке. Появились новые: что-то по современной поэзии, которую он раньше называл «графоманским стоном», книга по импрессионизму. Я открыла ее на первой странице. Никакой дарственной надписи. Просто куплено. Для нового себя. Или для того, чтобы блеснуть перед ней знанием?

В шкафу его одежда пахла не нашим стиральным порошком, а чем-то другим. Более резким, мужским. Он сменил средство для стирки. Сам. Тайком. Почему? Потому что она

подарила ему пробник «того самого аромата, который так идет мужчинам»? Или потому, что наш, с оттенком лаванды, напоминал ему слишком сильно о доме, о быте, обо мне?

Я спустилась в гараж. Его машина была на даче, но я стояла посреди запаха бензина, старой резины и пыли и смотрела на пустое место. Здесь, на стене, всегда висел ключ от газового баллона для мангала. Ключа не было. Он взял его с собой. На дачу, где газовый баллон давно пуст. Значит, он взял его по привычке. Или... чтобы отдать кому-то? Может, у них есть свое место? Садовый домик? Бывшая лесная сторожка? Мой мозг, острый от боли, начал строить догадки, одна нелепее другой.

Вернувшись в дом, я села в нашей гостиной, на его любимом кресле у камина (камин фальшивый, электрический, но он любит смотреть на имитацию пламени). И составила в уме каталог.

Каталог отсутствий Андрея Петровича Сомова, моей законной половины, в возрасте пятидесяти лет:

1.Отсутствие взгляда. Его глаза скользят по мне, как по знакомой мебели. Они фиксируют присутствие, но не видят сути. Когда-то он мог смотреть на меня минутами, и мне было жарко от этого взгляда.

2. Отсутствие смеха. Не того, вежливого, в ответ на мою шутку. А того, заразительного, когда он хохотал до слез, схватившись за живот, и я смеялась просто от вида его смеха.

3. Отсутствие спонтанности. Все запланировано. Секс – в субботу вечером (если нет усталости). Поход в ресторан – к дню рождения или годовщине. Поездка – только по брони. Его жизнь превратилась в бизнес-план, а я из соучредителя превратилась в рядового сотрудника.

4. Отсутствие раздражения. Он больше не злится на меня. Не спорит. Он уступает. Соглашается. Уходит в другую комнату. Его безразличие – самая страшная форма предательства.

5. Присутствие чужого запаха. Не всегда. Иногда, едва уловимо, в воротнике рубашки, на подушке с его стороны. Дорогой, холодный, чуждый парфюм. Сандал и черный перец. Запах другой женщины.

Я сидела в его кресле, вдыхая этот новый, чужой запах, доносившийся с вешалки в прихожей, и понимала, что моя задача – не вернуть старые отсутствия. Их не воскресить. Моя задача – создать новые присутствия. Настолько яркие, неудобные, острые, чтобы они вытеснили из его мира эту тихую, удобную Леру с ее сандаловым ароматом.

Первым делом нужно было узнать врага. Увидеть ее. Понять, с чем я борюсь.

Я взяла его старый планшет, который он оставил. Зашла в облачное хранилище. Пароль он не менял – это был день рождения Игоря. Я нашла папку «Курсы французского». Он ведь начал учить язык полгода назад? «Для работы, для пер-

спектив», — сказал тогда. В папке были скучные учебные PDF. И одна фотография, случайно попавшая туда, судя по названию файла «IMG_4578.jpg».

Я открыла ее.

Это было групповое фото. Небольшая компания в уютном кафе. Андрей, еще двое мужчин его возраста, и три женщины. Молодые. Лет по тридцать-тридцать пять. Все улыбаются в камеру, на столе бокалы с вином. Мои глаза сразу нашли ее. Я узнала ее безошибочно, интуитивно, как зверь. У нее были длинные, пепельные волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Большие серые глаза, широко расставленные, как у сиамской кошки. Улыбка не в камеру, а чуть в сторону, загадочная. На ней был простой свитер крупной вязки, но сидел он на ней так, что обрисовывал хрупкие плечи и небольшую, упругую грудь. На ее тонкой запястье — множество тонких браслетиков, один, кажется, со славянским оберегом. Рука лежала на столе рядом с бокалом Андрея. Почти касаясь.

Она была не красавицей. Но в ней была эта... внутренняя легкость. Та самая «молодость, не возрастная, а дикая», о которой он писал. Она смотрела на мир, и мир, казалось, был для нее игрой, увлекательным квестом. В отличие от меня, для которой мир был проектом, который нужно было грамотно реализовать.

Ее звали, скорее всего, Валерия. Лера. Моя Лера.

Я увеличила фотографию, вглядываясь в ее глаза. В ли-

нию губ. В неприметную серебряную сережку-гвоздик в ее мочке уха. Я изучала ее, как шпион изучает цель. Во мне не было ненависти к ней. Пока. Было холодное, леденящее любопытство. Что она дает ему? Что находит в нем она? Пятидесятилетнего, начинающего сидеть у висков, с намечающимся животиком, мужчину с грузом прошлого и ипотеки?

Ответ пришел сам собой, когда я перевела взгляд на лицо моего мужа. Он смотрел не в камеру. Он смотрел на нее. И выражение его лица... Боже, я не видела этого выражения лет двадцать. Это была смесь обожания, интереса и робости. Он ловил каждое ее слово, каждое движение. Он был зачарован. Как мальчишка.

И в этот момент мое сердце, которое, я думала, уже окаменело, сжалось от такой острой, физической боли, что я вскрикнула. Тихо, по-звериному. Это был звук раненого животного.

Он смотрел на другую женщину так, как когда-то смотрел на меня. В ту нашу первую поездку в Крым, когда мы ночью сбежали из душного общежития и пошли купаться нагишом при луне. Он тогда смотрел на мое мокрое тело, на мое смеющееся лицо, и в его глазах горел такой же восторг открытия.

А теперь этот восторг достался ей. Валерии. Лере с пепельными волосами и браслетами на тонкой руке.

Слезы наконец хлынули. Горячие, бессильные, горькие. Я рыдала, сидя в его кресле, обняв его подушку, которая пах-

ла им и чужим сандалом. Я оплакивала не его. Не нашу любовь. Я оплакивала себя. Ту девчонку Марину, которая верила, что этот взгляд — навсегда. Что она — единственная и неповторимая. Глупая, наивная девчонка.

Когда слезы кончились, я умылась ледяной водой. Посмотрела в зеркало. Красные, опухшие глаза, нос воспаленный. Я — развалина. А она там, на фотографии, — таинственная фея.

«Нет, — сказала я своему отражению, голос мой был хриплым, но твердым. — Так не пойдет».

Я вернулась к планшету. Сохранила фотографию в свой зашифрованный архив. Потом методом исключения, через социальные сети его коллег с того фото, нашла ее. Валерия (Лера) Морозова. Тридцать два года. Фрилансер, иллюстратор детских книг. Вела блог о «медленной жизни» и осознанности. Фотографии чашек кофе, акварельных красок, уютных пледов, прогулок по осеннему лесу. Никаких селфи с мужчинами. Никаких следов Андрея. Умная девочка. Осторожная.

Или он для нее тоже не настолько важен, чтобы выставлять его напоказ?

Эта мысль обожгла меня новой, странной надеждой. А что, если для нее это просто... увлечение? Интрижка с состоявшимся мужчиной, чтобы потешить самолюбие? А для него — последний крик души, попытка ухватиться за ускользающую молодость?

Тогда у меня есть шанс. Но действовать нужно не как обиженная жена. Нужно действовать как... как она. Только лучше. Глубже. Страшнее.

Я открыла блокнот на своем ноутбуке. И начала писать. Свой план. Роман в реальном времени. Где я и автор, и главная героиня, и режиссер.

План операции «Тень» (рабочее название).

Цель: не разоблачение, не скандал. Цель – поэтапное, полное уничтожение его иллюзии. Возвращение территории. Но на новых условиях. Моих.

Этап 1: Преображение. Не внешнее (хотя и оно нужно), а внутреннее. Я должна перестать быть Мариной Сомовой, надежной, предсказуемой женой. Я должна стать Загадкой. Женщиной, у которой есть своя жизнь, свои тайны. Нужно создать свои «отсутствия».

Этап 2: Изучение. Узнать все о ней. Ее слабости, ее страхи, ее прошлое. Не для того, чтобы шантажировать. Для того, чтобы понять, с чем бороться, и, возможно... использовать.

Этап 3: Внедрение. Постепенно, капля за каплей, вписать в его сознание сомнения в ней. Не через истерики, а через тонкие намеки, случайные фразы, легкую, почти невидимую трещину в его идеале.

Этап 4: Контроль. Взять управление нашей «скучной» жизнью в свои руки так, чтобы он в ней потерялся, а потом

с удивлением обнаружил, что ищет в ней опору.

Этап 5: Финал. Он должен сделать выбор. Но не между мной и ею. А между призраком, который манил его, и реальностью, которую он боится потерять. И выбрать меня. Добровольно. Осознанно. Или... что ж, в каждом романе должен быть трагичный финал. Если не для него, то для его иллюзий.

Я сохранила файл под паролем. Встала. Подошла к окну. Начинало смеркаться. Он скоро вернется с дачи, усталый, пропахший дымом и осенней сыростью. Он попытается меня поцеловать в щеку. Спросит, как мои дела. Расскажет про забор.

И я сыграю свою роль. Роль ничего не подозревающей, немного уставшей, доброй жены. Я спрошу, не замерз ли он в этой красной куртке. Предложу ему горячую ванну. На ужин будет его любимая запеченная картошка с розмарином. Дом будет пахнуть уютом и безопасностью. Его крепость.

А внутри меня уже будет зреть новая, холодная и ясная реальность. Реальность охотницы.

Война началась. И первое правило войны – враг не должен знать, что военные действия уже ведутся.

Я услышала звук его ключа в замке. Глубоко вдохнула. Расправила плечи. На лице появилась мягкая, теплая улыбка – результат двадцатипятилетних тренировок.

«Андрей, ты? Как дела на даче?» — мой голос прозвучал ровно, заботливо.

Игра началась.

Звук его ключа в замке — отточенный, привычный щелчок, который двадцать пять лет означал возвращение. Возвращение домой. Теперь этот звук — сигнал к началу спектакля. Я делаю последний вдох у окна, выдыхая вместе с воздухом остатки той Марины, что только что рыдала в его кресле. Я надеваю ее, как хорошо сшитый, немного поношенный халат. Он удобен. Он не вызывает подозрений.

— Андрей, ты? Как дела на даче? — голос льется из кухни, обволакивающе-теплый, как только что налитый чай.

Слышу его тяжелые шаги в прихожей. Стук ботинок о пол. Вздых — усталый, глубокий, мужской.

— Да нормально, — доносится его голос, приглушенный расстоянием. — Забор починил. Но, кажется, дождь соберется, так и не успел все дров убрать под навес.

Он появляется в дверном проеме кухни. Лицо, покрасневшее от холода, на щеке — маленькая царапина, вероятно, от ветки. Волосы, посеребренные у висков, взъерошены. В его руках — моя алая куртка, смятая, безжизненная тушка какого-то яркого попугая. Он бросает ее на стул с таким видом, будто снимает с себя что-то неприятное.

— Греться иди, — говорю я, не подходя близко, помещивая ложкой в кастрюле с картошкой. Запах розмарина и чеснока висит в воздухе плотно, как занавес. — Ванна горячая набрана. Или душ.

Он смотрит на меня. Его взгляд скользит по моей фигуре в простых домашних легинсах и длинной свит-кофте, задерживается на лице на долю секунды. Я не смотрю ему прямо в глаза — это сейчас опасно, он может что-то прочитать, какой-то холодный осколок, плавающий в глубине. Я сосредоточена на картошке.

— Спасибо, — говорит он, и в его голосе звучит искреннее облегчение. Облегчение от того, что дома тихо, пахнет едой, и жена не задает лишних вопросов. Облегчение, что его тайный мир остался за порогом, в городе, с его сандаловым ароматом. — Прямо замерз. Куртка, кстати, твоя... слабо греет.

— Говорила же, свою бери, — откликаюсь я с легкой, почти шутиливой укоризной. — Мужчина в красном — это стильно, но непрактично.

Он хмыкает — короткий, сухой звук. Не смех. Уже нет. Идет наверх, в нашу — в его — спальню. Я слушаю, как стучат его ступни по ступеням. Знаю каждую скрипучую. Седьмая ступенька слева. Он всегда наступает на нее с особым усилием.

Я отставляю кастрюлю, подхожу к стулу, где лежит куртка. Беру ее. Ткань холодная, чуть влажная от осенней сырости. Я подношу ее к лицу, глубоко вдыхаю. Запах костра, влажной земли, мужского пота. И... ничего больше. Ничего чужого. Сегодня он был один. Или был очень осторожен.

Это не приносит облегчения. Это лишь подтверждает его

расчетливость.

Через двадцать минут он спускается, в мягких домашних брюках и старой футболке, выцветшей от многочисленных стирок. Его волосы влажные. Он пахнет нашим гелем для душа, тем самым, с морской солью. Пахнет домом. Ложь обволакивает его, как пар.

Мы ужинаем. Разговор течет по знакомым, вымытым руслам.

— Игорь звонил, — говорю я, отламывая кусочек хлеба. — Говорит, проект сдают, сутки не спал. Послала ему денег на доставку здоровой еды.

— Молодец, — кивает он, механически пережевывая. — А Аня?

— Аня сдала очередной экзамен. Выложила фото с одноклассниками в каком-то баре. Выглядит счастливой.

— Это главное, — говорит он, и в его глазах на миг вспыхивает что-то настоящее, отеческое. Это искренне. Дети — это последняя общая территория, где мы по-прежнему союзники.

Молчание. Звук вилок о тарелки.

— А у тебя как на работе? — спрашиваю я, как спрашиваю всегда. Часть ритуала.

— Да как обычно, — он пожимает плечами. — Контракт с той немецкой фирмой подписали наконец. В среду, возможно, придется задержаться, презентацию для них готовить.

«В среду». Я аккуратно кладу вилку. Раньше бы я просто

кивнула. Сказала бы: «Хорошо, только не забывай поесть». Но сейчас — нет. Сейчас я смотрю на него. Спокойно. С легким, едва уловимым интересом.

— Презентация? А разве этим Сергей занимается? — мой голос звучит ровно, без вызова. Просто уточняю. Сергей — его заместитель.

Он слегка замирает. Не замирает совсем, но я лову микроскопическую паузу, прежде чем он отправит в рот кусок картофеля.

— Сергей на больничном с этим гриппом, — говорит он, не глядя на меня. — Придется самому. Ничего страшного.

Ложь. Или полуправда. Сергей действительно мог заболеть. Но я проверю. Обязательно. Не сегодня. Не завтра. Но проверю.

— Понятно, — киваю я, как будто удовлетворившись ответом. — Тогда, может, мне тебе что-то помочь? Старые чертежи найти, если нужно? Ты же помнишь, я умею неплохо структурировать информацию.

Он поднимает на меня глаза. В них — легкое, почти незаметное удивление. Я давно не предлагала помощь в его работе. Давно не интересовалась так глубоко.

— Спасибо, Марин, — говорит он, и его голос смягчается на грани искренности. — Если что — скажу. Но вроде справлюсь.

Он называет меня «Марин». Не «Мариша», не «дорогая». «Марин» — коротко, почти по-деловому. Так он обращался

ко мне в самые трудные годы, когда строили карьеру, растили детей, когда мы были партнерами в проекте под названием «жизнь». Это обращение из прошлого. Оно режет сейчас, как лезвие. Потому что в нем нет нежности. Есть лишь признание функциональности.

Я улыбаюсь ему. Тепло.

— Конечно. Я всегда на подхвате.

Ужин заканчивается. Он помогает убрать со стола — новая привычка, появившаяся вместе с сандаловым парфюмом. Раньше он просто вставал и шел к телевизору. Теперь он моет тарелки. Делает это тщательно, сосредоточенно. Как будто отмывает что-то с себя.

Я иду в кабинет — не его, а мой маленький, совмещенный с гардеробной. Сажусь за ноутбук. У меня нет плана на вечер. Но я открываю браузер. Не социальные сети. Я открываю сайт той самой языковой школы, где на групповом фото была она. «Le Cercle Français». Преподаватели — носители, группы небольшие, стоимость занятий неприлично высокая. Андрей сказал, что компания оплачивает курсы для топ-менеджеров. Возможно. Но я знаю бухгалтерию его фирмы. Таких расходов в протоколах я не видела.

Я просматриваю расписание. Вечерние группы. Вторник, четверг. Восемь часов. И... среда. Два раза в неделю? Или группа в среду — другого уровня?

Мое сердце начинает биться чуть чаще. Среда. «Презентация». «Задержусь».

Я не могу позвонить в школу и спросить. Это будет след. Но я могу...

Идея приходит мгновенно, острая и блестящая, как лезвие бритвы.

На сайте есть форма записи на пробное занятие. Я заполняю ее. От лица несуществующей Ольги Мироновой. Указываю номер телефона — купленная на днях SIM-карта для «плана операции». Пишу в комментарии: «Очень хотела бы попасть в группу к преподавателю Анне (видела восторженные отзывы!). Занимаюсь для себя. Интересуют вечерние группы, кроме среды — в этот день у меня фитнес». И отправляю.

Через час, когда Андрей смотрит футбол в гостиной, на новый телефон приходит SMS. Вежливый, шаблонный ответ от администратора: «Ольга, здравствуйте! Рады вашему интересу. Группа занимается по вторникам и четвергам в 20:00 с преподавателем Анной. Приглашаем вас на пробное занятие во вторник в 20:00!»

Я читаю сообщение, и пальцы холодеют. У Андрея продвинутый уровень. Андрей начал с нуля полгода назад. Он гений? Или... он ходит не в свою группу? Или он вообще не ходит на курсы, а это лишь прикрытие?

Но на фото он был там. В кафе с группой. С ней. Значит, он ходит. Но, возможно, не учится. А просто... присутствует. Рядом с ней.

Я выключаю телефон. Сажу в темноте, лишь монитор но-

утбука освещает мои руки. Снаружи доносится приглушенный репортаж со стадиона. Крики трибун. Его мир, простой и понятный: мяч, ворота, победа или поражение.

А мой мир теперь — это темная паутина догадок, лжи и полуправды. И я только что забросила в нее первую нить. Нить по имени Ольга Миронова.

Завтра вторник. В 20:00 у него «плановое совещание». Я это знаю из общего календаря, к которому у меня есть доступ. Раньше я никогда не сверяла его слова с календарем. Зачем? Теперь буду.

Я встаю, иду в гостиную. Он полулежит на диване, глаза прикованы к экрану.

— Кофе хочешь? — спрашиваю я.

— Не надо, спасибо, — он машет рукой, не отрываясь.

Я стою в дверях и смотрю на него. На этого мужчину, с которым делила одну постель двадцать пять лет. Который знает, как я смеюсь, когда щекотят пятки. Который держал мою руку, когда рожались наши дети. Который плакал на похоронах моей матери. Который строил этот дом — наш дом — и из кирпичей, и из общих надежд.

И теперь он строит что-то еще. Хрупкое, тайное, хрустальное здание на стороне. И я должна не разбить его грубо. Я должна подойти так близко, чтобы мое дыхание помутнило эти хрустальные стены. Чтобы он сам увидел, как они запотевают и теряют свой блеск.

Я подхожу к дивану, сажусь на край, не близко, но и не

далеко. Кладу руку ему на плечо. Мускулистое, знакомое до боли плечо. Он слегка вздрагивает от неожиданности, но не отстраняется.

— Устал, — говорю я не вопросом, а констатацией.

— М-м-м, — мычит он в ответ, наклоня голову так, что его щека касается моей руки. На секунду. Это непроизвольный жест. Жест привычки. Жест двадцатипятилетней близости.

В этом касании нет страсти. Нет желания. Но в нем есть... память тела. И сейчас этого достаточно. Для начала.

— Пойду почитаю, — тихо говорю я, убирая руку.

— Спокойной ночи, Марин.

— Спокойной, Андрей.

Я поднимаюсь в спальню одна. Ложусь на свою сторону большой кровати. Его сторона пуста и будет пуста еще пару часов. Я смотрю в потолок. В голове роится план. Завтра. Вторник. 20:00.

Я не буду его проверять. Не буду звонить. Не буду ехать к тому зданию на Чистых прудах. Нет. Это было бы слишком примитивно, слишком по-мещански.

Вместо этого завтра, ровно в 19:45, я позвоню ему. С домашнего телефона. Спрошу что-то несущественное. Например, не брал ли он мою синюю записную книжку, якобы нужную мне срочно для работы. Мне нужно всего лишь одно: услышать фон. Услышать, где он. Тишина офиса? Гулкое эхо коридора? Или приглушенная музыка, фоновый гул голосов,

звон бокалов? Фон кафе или ресторана.

Это будет моя первая разведка. Бесконтактная. Безопасная.

Я закрываю глаза. Перед сном я всегда мысленно перебираю события дня. Сегодняшний список странен.

1. Провела ревизию его отсутствий.
2. Нашла и изучила фотографию Леры Морозовой.
3. Зарегистрировала анонимный номер и виртуальную личность (Ольга Миронова).
4. Получила подтверждение, что курсы французского — реальность, но картина неясна.
5. Подготовила разведку на завтра.
6. Поддержала легкий физический контакт (касание плеча). Зафиксирована положительная реакция (непроизвольное доверие тела).

Пунктов много. Продуктивный день. День, когда я перестала быть жертвой и начала быть стратегом.

Слышу, как он поднимается по лестнице. Слышу, как он бродит по спальне, раздевается. Чувствую, как кровать прогибается под его весом с другой стороны. Он ложится, поворачивается на бок, спиной ко мне. Между нами — метр прохладной простыни и бездонная пропасть его тайны.

«Спокойной ночи, Андрей», — мысленно повторяю я.

И засыпаю с холодной, ясной решимостью охотницы, отслеживающей свою дичь. Дичь, которая пока даже не подзревает, что уже попала в прицел.

Глава 2. Фон

Вторник. День начинается как обычно. Звонок будильника в семь. Я встаю первой, пока он ворочается с боку на бок, не открывая глаз. В ванной — два стакана, две зубные щетки в общей подставке. Его — с истрепанной щетиной. Моя — аккуратная, электронная. Мы уже давно не синхронизированы в этих утренних ритуалах. Он приходит, когда я уже наношу крем на лицо, вчитываясь в отражение: новые ли это морщины у глаз или просто тень от ночи?

Завтрак — тихий. Он поглощен новостями на экране планшета, я составляю список дел в блокноте. Настоящий список. И ментальный — для плана. Сегодня ключевое событие — вечерний «звонок-разведка». Все остальное — фон, на который я должна аккуратно нанести первый мазок.

— Сегодня совещание в восемь, помнишь? — говорит он, отрываясь от экрана и допивая кофе.

— Помню, — киваю я, отрезая кусочек сыра. — Очень поздно. Постараюсь не ждать с ужином.

— Да, не надо, — он встает, относит чашку в раковину. — Поем что-нибудь с коллегами.

Коллеги. Удобное, всеобъемлющее слово. Оно может означать кого угодно. В том числе и ее. Серая кошка с браслетами на тонкой руке.

— Хорошо, — говорю я. — Только не ту пиццу из ларька

у вас на углу, у тебя потом изжога.

Он улыбается коротко, без участия глаз.

— Постараюсь.

В 8:30 он уходит. Я стою у окна кухни, наблюдая, как он садится в свою темно-серую машину, заводит ее и плавно выезжает со двора. Он аккуратный водитель. Предсказуемый. Как и во всем.

Первая часть моего плана на сегодня не связана с ним напрямую. Она связана со мной. «Этап 1: Преображение». Я должна начать создавать свои «отсутствия».

Я иду в спортзал. Не в свою привычную, уютную студию йоги, а в мощный, стеклянный и хромированный фитнес-клуб в бизнес-центре. Тот, где абонемент стоит как небольшой отпуск. Я покупаю его на месяц, наличными. Регистрируюсь под своей фамилией — пусть будет. Но я выбираю не групповые занятия, а персональные тренировки с тренером-мужчиной. Молодым, подтянутым, с оценивающим взглядом, в котором читается профессиональный интерес и легкая, ненавязчивая проверка на прочность.

— Вы в отличной форме для своего возраста, — говорит он, Максим, после тестового занятия. Он весь блестит от пота и энтузиазма.

— «Для своего возраста» — это лишнее, Максим, — отвечаю я, вытирая лицо полотенцем. Мой голос звучит ровно, но в нем слышится сталь. — Давайте просто работать над результатом. Сила, выносливость. Я не хочу просто «поддер-

живать тонус». Я хочу стать сильнее.

Он слегка поднимает брови, затем улыбается — уже по-другому, с уважением.

— Будет сделано. Вы сами назначили планку. Держитесь.

Я выхожу из клуба, и все тело приятно ноет. Это другая боль. Не боль от статичных поз йоги, а живое, мышечное жжение. Я чувствую себя не «поддерживающей форму женщиной бальзаковского возраста», а кем-то, кто бросил вызов. Себе. И, косвенно, ему.

Следующий пункт — парикмахерская. Но не моя привычная, где мне уже лет десять делают аккуратное каре с мелированием. Я иду в модную, дерзкую студию, интерьер которой больше похож на лофт галереи. Молодой стилист с синими прядями в волосах, Алиса, крутит мою прядь в пальцах.

— Что хотите? Освежить цвет? Подровнять?

— Я хочу изменить, — говорю я, глядя на нее в зеркало.

— Я не знаю, что именно. Но я устала от этого. — Я провожу рукой по своим волосам.

— Рискнем? — в ее глазах загораются огоньки.

— Рискнем.

Через три часа я выхожу на улицу. Ветер подхватывает мои волосы, и они рассыпаются по плечам не привычным каштановым шлейфом, а чем-то вроде медно-золотистого хаоса. Она не просто осветлила их — она добавила сложное многомерное окрашивание, с тенями и бликами. Стрижка небрежная, асимметричная, с длинной челкой, которая па-

дает на глаз. Я почти не узнаю себя в витринах магазинов. Я выгляжу... современно. Опасно. Не так, как жена Андрея Сомова.

Я фотографирую себя на телефон. Не селфи, а снимок, сделанный отражением в огромном зеркале в студии. Я в черной футболке, волосы в беспорядке, взгляд прямой, оценивающий. Я отправляю фото Ане: «Новый образ. Нравится?»

Ответ приходит почти мгновенно: «Мам, ты бомба!!! Серьезно! Что вдохновение нашло?»

Я улыбаюсь. Искренне. Дочь видит не маму в халате, а женщину. Это начало.

Вечером, в 18:30, я готовлю ужин. Но не для него. Для себя. Я делаю тартар из тунца с авокадо — блюдо, которое он не любит за «сырость». Включаю джаз, не наш привычный фоновый «Радио Джаз», а что-то резкое, саксофонное, с диссонансами. Наливаю бокал холодного совињон-блана. Сажусь за кухонный остров одна. Ем медленно, смакуя. Я не тороплюсь. Я наслаждаюсь этой новой версией себя, сидящей в нашем доме, но как будто в гостях.

В 19:40 я отодвигаю тарелку. Поднимаюсь в кабинет. Беру стационарный телефон. У меня странно сухие ладони. Это азарт. Азарт разведчика перед первой вылазкой.

Я смотрю на часы. 19:44. Я жду еще минуту. Дышу ровно. В 19:45 ровно набираю его мобильный.

Он берет трубку после третьего гудка.

— Алло? — его голос чуть напряжен, фоновый шум неясен.

— Андрей, привет, это я, — говорю я спокойно, даже слегка извиняющимся тоном. — Извини, что отвлекаю, ты же на совещании?

— Да, — говорит он быстро. — То есть, скоро начнется. Мы все собираемся. В чем дело?

— Я ищу свою синюю записную книжку, в кожаном переплете. Ты не брал случайно? У меня завтра встреча с заказчиком, там все эскизы и расчеты. Я везде обыскалась.

Я делаю паузу, прислушиваясь к фону. В трубке — не тишина. Но это и не шум офиса. Нет эха пустого коридора, нет гулко-го бормотания переговоров перед началом встречи. Я слышу... приглушенную музыку. Инструментальную, спокойную. И далекий, смазанный смех. Или покашливание. И... звон. Звон стекла. Тонкий, чистый, как у бокала, в который аккуратно стучают ложкой.

Он не в офисе.

— Нет, — говорит он, и его голос звучит чуть громче, как будто он отходит в более тихое место. Фон становится чуть тише, но музыка не исчезает совсем. — Не брал. Посмотри на полке в моем кабинете, слева, там иногда свои бумаги кладу.

— Хорошо, посмотрю, — говорю я. — Не задерживайся слишком. И помни про пиццу.

— Не буду, — он торопится закончить разговор. — Удачи

с поисками. Пока.

— Пока.

Он кладет трубку. Я медленно опускаю свою. Сажу в кресле, в темноте, и восстанавливаю картину по звукам. Музыка. Смех. Звон бокалов. Ресторан. Или хорошее кафе. Не пиццерия у офиса. Место с претензией. Место, где подают вино в правильных бокалах. Возможно, именно то кафе, где было сделано фото с группой.

Он солгал. Сопевания нет. Есть ужин. Или встреча. С ней.

Мое сердце не колотится. Оно бьется ровно, мощно, как у спортсмена на дистанции. Адреналин холодной струей растекается по венам. Моя догадка подтвердилась. Первая ласточка.

Я не лезу проверять его календарь. Это уже не важно. Важен факт: он солгал о месте. Он создает «отсутствие» для меня. А я только что незаметно проникла в это отсутствие, вставила туда тончайший щуп своего звонка.

Я встаю, иду на кухню. Допиваю вино. Мои мысли работают четко, как швейцарский механизм. Что дальше? Нельзя давить. Нельзя показывать, что я что-то знаю. Нужно укреплять свои новые «присутствия».

В 22:30 он возвращается. Я сижу в гостиной, в новом мягком халате (шелковистом, темно-синем, не похожем на мой старый, уютный), и читаю книгу. Не детектив, а новый роман японского автора о тоске и одиночестве в мегаполисе. Книга

сложная, меланхоличная. Я не стала бы читать ее раньше.

Он входит, останавливается в дверях.

— Я дома.

— Я вижу, — поднимаю на него глаза и откладываю книгу. — Как совещание?

— Долгое, — говорит он, снимая куртку. Его движения чуть скованны. Он не смотрит мне в глаза. — Ничего особенного. Все устали.

Он проходит ближе, чтобы бросить ключи в блюдо на комоде. И тут он замечает. Останавливается, смотрит на меня. Пристально. В его взгляде — замешательство, смешанное с неподдельным удивлением.

— Ты... что-то сделала с волосами?

— Да, — отвечаю я, проводя рукой по прядям, с легкой небрежностью, которой научилась у Алисы. — Надоело одно и то же. Нравится?

Он смотрит, будто видит меня впервые. Его взгляд скользит по новой стрижке, по цвету, задерживается на моем лице, которое, кажется, тоже изменилось от этой новой рамки.

— Непривычно, — говорит он наконец, осторожно. — Но... идет тебе. Выглядишь... свежо.

Это не комплимент. Это констатация факта, которая его тревожит. Я изменила правила. Я вторглась в его картину мира, где я — постоянная, предсказуемая величина.

— Спасибо, — улыбаюсь я, встаю. — Поел?

— Да, — кивает он. — Перекусили с коллегами. Я пойму

душ.

Он уходит, и я слышу, как вода включается. Он хочет смыть с себя запахи вечера. Возможно, сандал. Возможно, просто чувство вины.

Я возвращаюсь к книге, но не читаю. Я анализирую. Его реакция на мою внешность — положительная, но настороженная. Это хорошо. Значит, я все еще в поле его восприятия как женщина. Значит, перемены регистрируются.

Через полчаса он выходит, в пижаме. Садится в свое кресло напротив, включает телевизор, листает каналы.

— Что читаешь? — спрашивает он неожиданно, через плечо.

Я показываю ему обложку.

— Японец. Что-то очень депрессивное и красивое. Не твое.

— И зачем тогда? — в его голосе звучит искреннее недоумение.

— Чтобы понять, — говорю я просто. — Мир шире, чем нам кажется в нашей уютной крепости.

Он оборачивается и смотрит на меня. Долго. Молча. В его глазах что-то шевелится. Непонимание? Интерес? Раздражение?

— Ты какая-то странная сегодня, Марин.

— Я всегда была странной, — отвечаю я, снова улыбаясь той новой, загадочной улыбкой, которую репетировала перед зеркалом. — Просто сейчас у меня появилось время это

заметить. И показать.

Он хмыкает, возвращается к телевизору. Но я вижу, что он не смотрит его. Он задумался.

Я выиграла сегодняшний раунд. Я внесла диссонанс в его систему. Я дала знать, что у меня есть своя жизнь, свои перемены. И я получила подтверждение его лжи. Теперь у меня есть «фон». Фон его вечера — музыка, бокалы, ее вероятное присутствие.

И теперь мне нужен ее фон. Нужно узнать Леру Морозову не через снимки в соцсетях, а через призму ее мира. Мне нужно понять, что она может дать ему такого, чего, как ему кажется, не могу дать я. И тогда я смогу либо отобрать это, либо подделать, либо доказать его иллюзорность.

Я закрываю книгу.

— Я спать. Завтра рано вставать.

— Завтра? В среду? У тебя что-то есть? — он снова поворачивается. Обычно по средам у меня «день дома»: уборка, готовка, иногда встреча с подругами.

— Да, — говорю я, поднимаясь. — У меня персональная тренировка в восемь утра. Хочу успеть до работы.

Его брови почти неуловимо ползут вверх.

— Тренировка? Ты же йогой занимаешься.

— Занималась, — поправляю я, иду к лестнице. — Теперь буду заниматься чем-то другим. Спокойной ночи, Андрей.

Я поднимаюсь, оставляя его внизу, в свете телевизора, с его мыслями, которые, я уверена, теперь вертятся не вокруг

футбола или работы, а вокруг меня. Вокруг моих волос, моей книги, моей внезапной тренировки.

В спальне я подхожу к окну. Ночь. Город светится. Где-то там она. Лера. Со своим сандаловым ароматом, своими браслетами и иллюзией, что может увести у меня мужа.

Я не знаю, хочу ли я его назад. Не в том виде, в каком он есть сейчас. Но я знаю, что я не отдам его просто так. Я не отдам годы своей жизни, свою историю, свое «я», которое так тесно с ним сплетено. Это война за смыслы. И я только что сделала первый, тихий выстрел.

Я ложусь в постель. Через сорок минут придет он. Ляжет с другой стороны. И между нами, по-прежнему, будет пропасть. Но теперь по мою сторону пропасти появились инструменты. Появился план.

Я засыпаю с мыслью о завтрашнем дне. Среда. День, когда у него «презентация». А у меня — новая тренировка и новый шаг в исследовании мира Валерии Морозовой. Надо будет посмотреть ее блог внимательнее. Не как завистливая жена, а как антрополог, изучающий племя, с которым предстоит вступить в контакт.

Война только началась. Но первая стратегическая высота — его внимание — уже под прицелом.

Глава 3. Зеркало для героя

Среда. Я просыпаюсь от вибрации будильника на телефоне в 6:30. Рядом — его спина, монолит под серым одеялом. Я осторожно выскальзываю из постели, чтобы не разбудить. В ванной, глядя на свое отражение с новыми, пока еще непривычно яркими волосами, я чувствую легкую, спортивную ломоту во всем теле. Это приятно. Это напоминание о вчерашней победе над собой.

Одеваюсь в новую, купленную вчера же, темно-бордовую форму для фитнеса. Она облегает, подчеркивая еще не идеальные, но уже не расплывшиеся формы. Я не смотрю в его сторону, когда ухожу. Пусть проснется в пустой спальне. Пусть почувствует мое «отсутствие».

Тренировка в восемь — это пытка. Максим не дает спуску. Приседания, становая тяга с скромным, но для меня значительным весом. Пот льется ручьями, дыхание сбивается. Я стискиваю зубы и делаю. Каждое движение — это удар по той Марине, что позволила себе стать фоном. Каждое «еще один подход» — это шаг к новой.

— Вы — машина! — кричит Максим, хлопая меня по плечу в конце сессии. Его лицо сияет от профессиональной гордости. — Откуда столько злости?

— Из ниоткуда, — выдыхаю я, едва стоя на ногах. — Она просто есть.

Возвращаюсь домой в десять. Он уже должен быть на работе. Но его машина стоит на месте. Захожу — в доме тихо. Иду наверх. Дверь в спальню приоткрыта. Он сидит на краю кровати, в пижаме, и смотрит в телефон. На лице — странное, отрешенное выражение. Он не услышал, как я вошла.

— Ты не на работе? — спрашиваю я, останавливаясь в дверях.

Он вздрагивает, резко гасит экран и поднимает на меня взгляд. В его глазах мелькает что-то похожее на панику, которую он тут же подавляет.

— Голова болит, — говорит он хрипло. — Решил позже выехать. Ты... с тренировки?

— Да, — киваю я, заходя в комнату. Я вся еще влажная, лицо покрасневшее. Подхожу к своему комоду, начинаю вытаскивать чистое белье. — Максим чуть не убил меня. Но я жива.

— Максим? — он повторяет имя, и в его голосе звучит непроизвольное, едкое удивление.

— Мой тренер, — поясняю я, поворачиваясь к нему. Я вижу, как его взгляд скользит по моей фигуре в облегающей влажной одежде, задерживается на открытых руках, на линии талии. Он смотрит. По-настоящему смотрит. Впервые за долгие месяцы. Это не взгляд мужа. Это взгляд мужчины, оценивающего женщину. Пусть и с недоумением. — Молодой, амбициозный. Очень требовательный. Мне это нравится.

Я произношу это легко, почти небрежно, и иду в ванную, оставляя дверь приоткрытой. Включаю душ. Через стеклянную дверцу душевой кабины я вижу его размытый силуэт. Он все еще сидит на кровати, не двигаясь.

Когда я выхожу, завернутая в большое банное полотенце, он стоит у окна.

— Ты сегодня на презентацию к немцам? — спрашиваю я, растирая волосы вторым полотенцем.

Он оборачивается. Его лицо напряжено.

— Да. В семь. Может, задержусь.

— Понятно. А голова пройдет?

— Надеюсь.

Я подхожу к нему, останавливаясь в шаге. Пахну своим новым гелем с цитрусовыми и имбирем.

— Знаешь, а мне сегодня позвонила Лена из «Интерьеры плюс», — говорю я, глядя в окно на двор. — Предлагает срочный проект. Рестайлинг кофейни в центре. Очень крутой, очень дерзкий заказчик. Молодой владелец, из IT. Говорит, устал от минимализма, хочет «барокко в цифровую эпоху».

Я выдумываю на ходу. Но Лена — реальный человек, мой старый знакомый дизайнер. И проект, в общем-то, существует, просто я от него отказалась пару недель назад, сославшись на загрузку. Теперь я его воскрешаю, как призрак.

— И что? Возьмешь? — спрашивает он. В его голосе —

интерес. Не к проекту, а к тому, что я вообще об этом говорю. Раньше я делилась с ним рабочими моментами только в виде жалоб на скучных клиентов или радости от удачного контракта.

— Думаю, да, — говорю я, поворачиваясь к нему. — Мне... интересно. Это вызов. И заказчик... необычный. Говорит, что хочет, чтобы пространство «проговаривало текст, которого нет». Поэтично, правда?

Я смотрю ему прямо в глаза, произнося эту фразу. «Текст, которого нет». Ту самую, украденную из его файла метафору. Я произношу ее естественно, как будто это просто красивые слова клиента.

Он бледнеет. Буквально. Кровь отливает от его лица. Он отводит взгляд.

— Да... поэтично, — бормочет он. — И... сколько это займет времени? Этот проект?

— О, это будет интенсивно, — говорю я, с легкой, деловой усталостью в голосе. — Встречи, обсуждения, эскизы. Возможно, придется иногда задерживаться. Или встречаться в нестандартных местах. Он, кажется, любит работать ночами в каких-то лофтах.

Я создаю ему зеркало. Свое собственное «задержусь», свои «нестандартные места», своего загадочного, «поэтичного» клиента. Я вижу, как эта информация оседает в нем, как яд, медленный и пока неопознанный.

— Будь осторожна, — говорит он наконец, и в его голосе

звучит не забота, а что-то другое. Раздражение? Тревога? — Эти молодые IT-шники... они непредсказуемы.

— В отличие от нас, предсказуемых? — мягко уточняю я.

— Да. В отличие от нас.

Наступает неловкое молчание. Он первым его прерывает.

— Мне нужно собираться.

Он проходит мимо меня в ванную, и наши плечи едва касаются. Он пахнет сном и беспокойством. Я пахну цитрусом, имбирем и чужим, молодым потом с тренировки.

Час спустя он уезжает. Я остаюсь одна в доме, который теперь кажется не крепостью, а полем боя. Я выполняю свой план. Сажусь за компьютер. Не копаюсь в его делах. Я погружаюсь в мир Валерии Морозовой. Не как завистливая жена, а как исследователь.

Ее блог — это действительно мастерски созданная вселенная «медленной жизни». Фотографии акварельных разводов на бумаге, кружка чая на фоне старого деревянного стола, ботинки в осенних листьях. Тексты — о поиске внутреннего покоя, о красоте в несовершенстве, о том, как важно «слышать тишину между нот». Все это красиво, безвкусно и невероятно притягательно для уставшей, перегруженной души. Для души пятидесятилетнего мужчины, увязшего в отчетах, кредитах и тихом отчаянии брака.

Я читаю пост о том, как она случайно нашла старую пластинку с французским шансоном на блошином рынке и целый вечер слушала ее, сидя на полу своей квартиры, при све-

те одной лампы. «В тот вечер, — пишет она, — я поняла, что счастье — это не цель. Это побочный эффект от правильного настроения души».

Именно так. Она не предлагает решений. Она предлагает настроение. Эскапизм. Убежище от реальности. Именно того, чего, вероятно, жаждет Андрей.

Мой телефон вибрирует. Сообщение от Ани: «Мам, ты в порядке? Папа только что странным голосом спросил, не говорила ли я тебе чего-нибудь... про него. Я сказала нет. Что происходит?»

Я улыбалась. Мое зеркало работает. Он уже проверяет, не проговорился ли он случайно, не оставил ли следов. Он нервничает.

Пишу Ане: «Все в порядке, солнце. У папы, наверное, трудности на работе. А у меня новый интересный проект. Расскажу в субботу, созвонимся?»

«Окей, мам. Береги себя. И выглядишь ты огонь!»

Вечером я не готовлю. Я заказываю суши — то, что он терпеть не может из-за сырой рыбы. Ем одна, под документальный фильм о дикой природе Амазонии. В 18:55 мой телефон (обычный) звонит. Андрей.

— Алло?

— Марин, привет, — его голос звучит устало, но собранно. — Я... кажется, сегодня не смогу. Презентация затягивается, потом будут вопросы, обсуждение. Возможно, придется даже поужинать с ними тут.

Он говорит это в офисной тишине. Я это слышу. Полная, гулкая тишина после семи вечера. Никаких немецких голосов на фоне. Он в офисе. Но один. Или его «они» — это один человек. Одна женщина с пепельными волосами.

— Понимаю, — говорю я сочувственно. — Делай, что должен. Только поешь нормально, а не как вчера.

— Вчера? — он тупит.

— Ну, пиццу из ларька. Ты же говорил, что с коллегами ее ели.

Короткая пауза.

— А, да... Конечно. Не буду. Пока.

Он кладет трубку. Моя рука, сжимающая телефон, дрожит, но не от горя. От адреналина. Он снова солгал. И на этот раз я поймала его на неувязке. Вчера он ел не пиццу в ларьке, а что-то в том кафе, где звенели бокалы. И теперь он запутался в деталях своей же легенды.

Это крошечная трещина. Но ее достаточно, чтобы начать вбивать в нее клин.

В 21:30 раздается звонок в домофон. Я не жду гостей. Подхожу к панели, смотрю на экран. На улице стоит он. Андрей. Один. Голова опущена, плечи ссутулены. Он выглядит... разбитым.

Я впускаю его, не спрашивая через домофон, в чем дело. Поднимаюсь с первого этажа в прихожую. Он входит, и от него пахнет холодным ветром и... виски. Не много. Но пахнет.

— Презентация... отменилась, — говорит он, не глядя на меня, снимая обувь. — Немцы передумали, перенесли.

Ложь номер три за сегодня. Я просто смотрю на него. Молчу. Это молчание давит на него сильнее, чем любые вопросы.

— Ты... уже поужинала? — спрашивает он, наконец поднимая глаза. Он видит меня в простых леггинсах и большой вязаной кардигане, но, кажется, опять видит что-то новое. Возможно, мое спокойствие.

— Да, суши. Тебе разогреть что-нибудь? — предлагаю я нейтрально.

— Нет, спасибо. Я... просто поем йогурт.

Он проходит на кухню. Я следую за ним, сажусь на барный стул у острова. Наблюдаю, как он открывает холодильник, достает банку. Его движения неуверенны. Он сломан не отменой презентации. Он сломан чем-то другим.

— Андрей, — говорю я тихо.

— М-м? — он оборачивается, с ложкой в руке.

— У меня тоже сегодня был странный день. Тот IT-шник, владелец кофейни... Он прислал мне ссылку на плейлист. Говорит, это саундтрек к будущему пространству.

Я включаю на своем телефоне музыку. Не плейлист, а просто случайную подборку атмосферного джаза, похожего на тот, что я слышала в трубке вчера. Звуки саксофона мягко заполняют кухню.

Он замирает. Йогурт забыт. Он слушает. Его лицо стано-

вится каменным. Потом он медленно ставит банку на стол.

— И что?

— Ничего. Просто музыка. Напоминает что-то старое. Из нашей молодости, помнишь? Мы же тоже любили джаз когда-то. А потом перестали.

Я смотрю на него, и в моих глазах нет упрека. Только легкая, философская грусть. Я не атакую. Я констатирую. Я показываю ему последствия. Последствия его выбора — не только измены, а того, что предшествовало ей. Нашего взаимного отказа от чего-то важного.

— Мы много чего перестали, Марин, — говорит он хрипло, и в его голосе прорывается неподдельная горечь. Не направленная на меня. Направленная на все. На жизнь. На себя.

— Да, — соглашаюсь я. — Перестали. Но, знаешь, этот мой новый клиент... Он сказал одну умную вещь. Он сказал, что кризис — это не конец истории. Это точка, где автор может выбрать: поставить скучную точку или вернуть неожиданный сюжетный поворот.

Он смотрит на меня, и в его глазах идет борьба. Он хочет спросить. Хочет понять, что я знаю. Но он не смеет. Страх разоблачения сильнее любопытства.

— И что ты выберешь? — спрашивает он наконец, обходя остров и сядя на стул напротив. Между нами лишь столешница, покрытая мраморным узором.

— Я еще не решила, — говорю честно. — Пока просто

наблюдаю за персонажами. За их мотивами. Иногда кажется, что они сами не знают, чего хотят. Просто бегут от чего-то, даже не понимая, куда.

Он опускает глаза. Его пальцы теребят край столешницы.

— А если... если один из персонажей уже совершил ошибку? Непоправимую?

— В художественной литературе, Андрей, нет непоправимых ошибок, — говорю я мягко, как будто обсуждаю сюжет книги. — Есть только развитие характера. Герой либо деградирует под грузом ошибки, либо находит в себе силы стать другим. Сильнее. Или, по крайней мере, честнее.

Он поднимает на меня глаза. В них — мольба. И ужас. Он хочет признаться. Сейчас, здесь. Я это вижу. Это момент, когда я могла бы все получить: слезы, раскаяние, обещания.

Но я не хочу его признания. Не сейчас. Признание облегчило бы его душу и возложило бы тяжесть прощения на меня. Нет уж.

— Знаешь, мне завтра рано, — говорю я, вставая и включая музыку. Резкая тишина обрушивается на кухню. — У меня в девять встреча с этим самым поэтичным IT-шником. Надо выспаться и выглядеть адекватно. Не засиживайся тут.

Я кладу руку ему на плечо, проходя мимо. Так же, как тогда. Жест привычки. Но на этот раз он вздрагивает, как от удара.

— Марин... — начинает он.

— Спокойной ночи, Андрей.

Я ухожу наверх. Не оглядываюсь. Я оставляю его одного в свете кухонной люстры, с его невысказанным признанием и банкой холодного йогурта. С его «текстом, которого нет», который теперь, кажется, начинает проступать сквозь строки нашей обыденности, как симпатические чернила.

Я лягу спать одна. Зная, что он будет сидеть внизу еще долго. И что зеркало, которое я ему сегодня поднесла, отражает не только его вину. Оно отражает и мое новое, холодное, расчетливое отражение. И ему, наверное, страшнее всего то, что он не может понять, какое из этих отражений — настоящее.

Глава 4. Полевые испытания

Суббота. Обычно это день рынка, уборки, неспешного завтрака с газетами. Но сегодня в 11 утра у меня назначена встреча. Не с мифическим IT-шником, а с реальным человеком, который может стать моим союзником. Или, по крайней мере, оружием.

Я еду в «Мануфактуру» — модное пространство в бывшем фабричном цеху, где сейчас бутики, кофейни и студии. Я иду на мастер-класс по леттерингу и каллиграфии. Его ведет Валерия Морозова.

Идея пришла в четверг, когда я изучала ее блог. Она анонсировала это мероприятие. «Научимся слышать тишину в движении пера», — гласила подпись. Цена за вход была неприличной, но я заплатила не раздумывая. Чтобы победить врага, нужно знать его территорию. А лучше всего — встать рядом и наблюдать.

Студия на третьем этаже залита светом из огромных окон. Длинные столы, застеленные грубой крафтовой бумагой. Человек двадцать, в основном женщины моего возраста и моложе. Пахнет кофе, краской и дорогой древесиной.

И вот она. Валерия. Не на экране, а вживую. Она еще хрупче, чем на фото. Движения плавные, точные. Пепельные волосы свободно спадают на плечи. На ней просторная льняная рубашка, подкатанные рукава, на тех самых тонких

запастях — те самые браслеты. Она улыбается, объясняет что-то девушке, и улыбка у нее действительно загадочная, чуть отстраненная, как будто она одновременно здесь и где-то в своем внутреннем, более красивом мире.

Мое сердце не колотится от ненависти. Я анализирую. Ее голос тихий, немного глуховатый. Притягательный. Она не старается понравиться, она просто излучает эту самую «медленную» ауру. И люди вокруг ловят ее, как солнечные лучи.

Я занимаю место в конце стола, подальше. Надеваю очки для чтения — новый аксессуар, который я купила вчера в хипстерской оптике, стильные, с тонкой металлической оправой. Я выгляжу как успешный дизайнер, пришедший за новыми навыками. Никакой ярости, только профессиональный интерес.

— Здравствуйте все, — начинает Лера, и в студии стихают голоса. — Сегодня мы не будем учиться писать красиво. Мы будем учиться чувствовать. Перо — это продолжение вашего дыхания. Бумага — это пространство вашей тишины.

Она говорит красивые, пустые слова. Но говорит их так убедительно. Я смотрю на ее руки. Длинные пальцы, ухоженные, но без маникюра. На левой руке, на безымянном пальце — тонкая полоска более светлой кожи. Там недавно было кольцо. Интересно.

Мастер-класс начинается. Мы учимся выводить базовые линии. Я сосредотачиваюсь на процессе, но периферийным зрением слежу за ней. Она ходит между столами, мягко по-

правляет, подсказывает. Ко мне она подходит минут через двадцать.

— Вот здесь не давите, — ее голос звучит прямо у моего уха. Она легонько касается моей кисти. Ее пальцы прохладные. — Пусть оно скользит. Вы словно боитесь оставить след.

Я поднимаю на нее глаза. Вблизи она еще моложе. И в ее серых, широко расставленных глазах я не вижу ни коварства, ни расчета. Вижу лишь спокойную, почти буддийскую уверенность в своей правоте. Она не чувствует себя воровкой. Она, наверное, считает себя... целительницей. Которая принесла «осознанность» в жизнь уставшего мужчины.

— Привычка, — говорю я, улыбаясь легкой, профессиональной улыбкой. — Я архитектор. Мы привыкли все просчитывать до миллиметра. Спонтанность дается с трудом.

— Архитектор? — в ее глазах вспыхивает искренний интерес. «Правильная» жизнь обожает «творческих». — Это же прекрасно. Вы создаете пространства.

— Да, — киваю я, снова опуская взгляд на бумагу. — Иногда кажется, что создаю красивую, но пустую оболочку. А наполнение ускользает.

Я бросаю эту фразу как пробный шар. Фразу о пустоте. Фразу, которая могла бы принадлежать Андрею.

Она замирает на секунду. Потом тихо говорит:

— Наполнение всегда приходит изнутри. Его нельзя спроектировать. Только почувствовать.

И отходит к следующему ученику. Я смотрю ей вслед. Да, именно так она и говорит. Общими, поэтичными фразами, за которыми можно спрятать что угодно. В том числе роман с чужим мужем.

В перерыве я иду за кофе. Стою в очереди рядом с ней. Она заказывает что-то сложное на растительном молоке. Мы оказываемся рядом у стойки, где выдают напитки.

— Ваш подход очень интересен, — говорю я, беря свой простой эспрессо. — Вы как будто продаете не навык, а состояние.

Она смотрит на меня, немного настороженно. Продавцы «состояний» не любят, когда их ремесло называют так прямо.

— Я делюсь опытом. Мне кажется, в нашем мире не хватает именно чувствования, а не знаний.

— Согласна, — киваю я. — Мой муж, например, совсем разучился чувствовать. Погряз в цифрах и отчетах. Иногда смотрю на него и вижу красивый, идеально отлаженный механизм. Без души.

Я произношу это с легкой, усталой грустью в голосе. Как жена, которая слегка сожалеет, но смирилась. Я наблюдаю за ее реакцией. Ее пальцы слегка сжимают картонный стаканчик. Глаза чуть расширяются. Она узнает описание. Она узнает его.

— Возможно, ему просто не хватает... встряски, — осторожно говорит она, отводя взгляд.

— Возможно, — вздыхаю я. — Но знаете, в нашем возрасте встряски часто похожи на землетрясения. Разрушают все, что строилось годами. Не знаю, стоит ли.

Я делаю глоток кофе. Между нами повисает тяжелое молчание. Она не знает, кто я. Но мой образ — успешная, уставшая жена пятидесятилетнего трудоголика — попадает точно в яблочко. В ее голове сейчас идет борьба: связать мои слова с Андреем или отместить как совпадение.

— Извините, наверное, я слишком откровенничаю с незнакомым человеком, — говорю я, будто спохватившись. — Просто тема... болезненная.

— Ничего, — она быстро улыбается, но улыбка уже не такая безмятежная. — Мы все люди. Меня, кстати, Лера зовут.

— Марина, — представляюсь я, протягивая руку. Мыжимаем. Ее ладонь сухая, хрупкая. — Спасибо за мастер-класс. Вы даете пищу для размышлений.

Я возвращаюсь за свой стол с чувством выполненного долга. Я не только увидела врага вблизи. Я посеяла семя сомнения. Теперь в ее идеальной картине «спасения» загруженного мужчины от бездушного мира появится тревожный голос его жены. Пусть даже анонимный. Пусть даже намеком.

Вторая половина мастер-класса проходит в рабочей атмосфере. Я уже не так внимательно слежу за ней. Я работаю над своим «почерком». Вывожу на бумаге не буквы, а фразу, которая вертится в голове: «Текст, которого нет». Она получается угловатой, нервной, живой. Не похожей на плавные

вензеля Леры.

По окончании все благодарят, расходятся. Я медленно собираю свои вещи, наблюдая, как Лера принимает комплименты, раздает визитки. У нее мягкая, но уверенная манера держаться. Она не та, кого можно сломать грубой силой. Ее оружие — тонкость. Значит, и мое оружие должно быть таким же.

Когда в студии почти никого не остается, к ней подходит мужчина. Молодой, лет тридцати пяти, с умным, насмешливым лицом. Он что-то говорит ей тихо, она смеется, слегка касается его руки. Это не флирт, это скорее... фамилльярность. Как будто они знакомы давно. Он помогает ей складывать какие-то коробки. В его движениях читается привычка, право.

Новый игрок. Интересно.

Я выхожу из студии последней. На лестничной площадке меня нагоняет тот самый мужчина.

— Простите, вы Марина? Архитектор? — его голос приятный, бархатный.

Я оборачиваюсь, оцениваю его.

— Да. А вы?

— Кирилл, — он легко представляется. — Я случайно услышал ваш разговор с Лерой. Про мужа-механизм. Позвольте купить вам еще чашечку кофе? Как коллега по несчастью, так сказать.

В его глазах — живой, пытливый интерес. Не мужской.

Скорее, аналитический. Как у хирурга, увидевшего редкий симптом.

— Коллега по несчастью? — переспрашиваю я.

— Ну, вы же не случайно пришли именно к ней, верно? — он улыбается, и в его улыбке нет злорадства. Есть понимание. Опасливое, как у того, кто нашел в темноте такого же заблудившегося. — Она умеет притягивать... сложные случаи. Пойдемте, я знаю тут тихое место.

И вот мы сидим в маленькой кофейне этажом ниже. Кирилл заказывает нам два фильтр-кофе. Он сидит расслабленно, но его взгляд сканирует меня.

— Вы не похожи на ее обычную аудиторию, — начинает он прямо.

— А какая у нее аудитория? — спрашиваю я, разворачивая печенье.

— Женщины, которые ищут смысл в кружевах и каллиграфии. Или мужчины, которые ищут утешение для своей уставшей мужественности. Вы же ищете что-то другое. Вы ищете ее.

Он говорит это так спокойно, что у меня перехватывает дыхание.

— Почему вы так решили?

— Потому что я сам когда-то искал. Она была любовницей моего лучшего друга. Вернее, он думал, что она его любовница. На самом деле, она была его... гуру. Заплатил он за это осознание, между прочим, разводом и половиной со-

стояния.

Я молчу, обрабатывая информацию. Кирилл делает глоток кофе.

— Не поймите неправильно, она не злодейка. Она просто... вакуум. В который стремятся уставшие души. Она их слушает, соглашается, создает иллюзию понимания. А потом они обнаруживают, что отдали частичку себя этому вакууму, а получили взамен лишь красивую цитату для соцсетей.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спрашиваю я.

— Потому что вижу в вас того, кто не хочет быть жертвой. Вы пришли изучать. Я уважаю это. И хочу предупредить: бороться с ней в лоб бесполезно. Она питается драмой. Если вы устроите скандал, вы лишь дадите ей и вашему мужу новый, мощный нарратив: «нас не понимают, мы — трагические любовники, борющиеся с косной реальностью».

Его слова попадают точно в цель. Он описывает мои же страхи.

— Что же делать?

— Стать скучной, — улыбается он. — Лишить их драмы. Стать настолько спокойной, предсказуемой и... счастливой без них, что их собственная история начнет казаться им не глубокой, а просто пошлой. Эго таких, как она, не выносит отсутствия внимания. А мужчины, подобные вашему, не выносят отсутствия вины. Лишите их и того, и другого.

Я смотрю на этого странного, проницательного незнакомца. Он предлагает стратегию, похожую на мою, но более

изошренную.

— Почему вы помогаете незнакомке?

— Потому что ненавижу ее культ, — говорит он просто.

— Потому что из-за таких, как она, мой друг перестал быть моим другом. И потому что... мне интересно. Мне интересно, получится ли у вас. Судя по вашему лицу — получится.

Он оставляет мне визитку. «Кирилл Волков, арт-директор, консультант». Ничего личного, только рабочий телефон.

— Если понадобится взгляд со стороны или нужна какая-то... информация о ее методах, — он делает многозначительную паузу, — звоните. Мне доставляет удовольствие рушить красивые, но фальшивые конструкции.

Мы расстаемся. Я еду домой, и в голове у меня настоящий ураган. Лера — не просто любовница. Она — секта для одного. Кирилл — неожиданный союзник, мотив которого, впрочем, тоже не чист. А стратегия... Да, он прав. Нужно не атаковать, а создавать вакуум вокруг их тайны. Вакуум настолько плотный, чтобы она задохнулась от собственной пустоты.

Дома Андрея нет. Он оставил записку: «Уехал на дачу, нужно доделать то, что не успел. Вернусь к вечеру». Я почти уверена, что его нет на даче.

Я не звоню. Не проверяю. Вместо этого я делаю то, что советовал Кирилл. Я становлюсь «скучной». То есть, живу своей жизнью. Я достаю старый альбом с нашими фотографиями, те самые, с Крыма, с молодости. Я не рыдаю над ними.

Я сканирую самые счастливые, самые живые и выкладываю их в закрытый Instagram, куда добавлены только наши самые близкие друзья, дети. Без комментариев. Просто: «Память. Свет. Море». Пусть он увидит, если зайдет. Пусть увидит не нашу нынешнюю пустоту, а то, что было. Тот самый «текст», который был, а не которого «нет».

Потом я звоню Юльке, своей старой, самой веселой подруге, которую забросила в последние годы.

— Юль, привет, это Марина. Слушай, вытаскивай свой самый дерзкий наряд. У меня появились два билета в тот новый джаз-клуб на Патриарших. Сегодня. Ясно? Без отговорок.

Юлька в шоке, но через час уже визжит в трубку: «Маринка, да ты с ума сошла! Я в деле!»

Вечером я ухожу, оставив дом темным и пустым. Напротив его записки я оставляю свою: «Ушла с Юлькой слушать джаз. Ключ под ковриком. Не жди, задержусь».

Я надеваю маленькое черное платье, которое не надевала лет десять. Оно сидит идеально. Новые волосы, яркая помада. Юлька, увидев меня, свистит: «Боже, кто это?! Где моя скучная подруга?»

Мы веселимся. По-настоящему. Я пью martini, смеюсь, слушаю музыку. И на сцене — тот самый резкий, диссонансный джаз, похожий на мой внутренний разлад. Я чувствую себя живой. Не женой. Не матерью. Не обманутой дурочкой. А женщиной. Которая может все.

Я не беру телефон. Не проверяю, звонил ли он. Мне все равно.

Возвращаюсь за полночь, слегка выпившая, с легкой усталостью от хорошего вечера. В доме горит свет в гостиной. Он сидит в кресле. Не спит. Ждет. На столе перед ним — распечатанные фотографии. Те самые, что я выкладывала. Он их нашел и распечатал.

Я останавливаюсь в дверях.

— Ты не спишь.

— Где ты была? — его голос хриплый, не от сна. От напряжения.

— Тебе оставила записку. С Юлькой. В клубе.

— Я видел фотографии, — говорит он, не слушая. Он берет в руки один снимок. Мы на пляже, я смеюсь, заливаясь, а он смотрит на меня с тем самым, забытым взглядом обожания. — Зачем ты их выложила?

Я прохожу в комнату, снимаю туфли. Делаю это медленно.

— Соскучилась по тому свету. Решила поделиться. Разве нельзя?

— Можно, — говорит он. — Но... зачем сейчас?

Я подхожу к нему. Стою рядом. От меня пахнет дымом, алкоголем, духами и свободой.

— Потому что «сейчас» — это все, что у нас есть, Андрей. Вчера уже нет. Завтра — не наступило. А в «сейчас» я решила вспомнить, как это — чувствовать свет. Не думать о заборах, презентациях, пустоте. Просто чувствовать.

Он смотрит на меня снизу вверх. В его глазах — буря. Тоска, вина, растерянность и... проблеск того самого старого чувства. Его тянет к этому свету на фотографии. К той, прежней мне. И он видит отблеск этого света во мне сегодняшней — нарядной, пахнущей ночной жизнью, независимой.

— Ты... очень красивая сегодня, — вырывается у него.

— Спасибо, — говорю я просто. — Я и забыла, что могу быть такой.

Я поворачиваюсь и иду наверх. На этот раз я не кладу ему руку на плечо. На этот раз я прохожу мимо, оставляя за собой шлейф своего нового, сложного аромата.

— Марин! — он зовет меня, когда я уже на лестнице.

— Да?

— Завтра... завтра, может, поедем куда-нибудь? Просто так. Как раньше.

Это первый шаг. Первая попытка вернуться. Не из-за раскаяния, а из-за страха потерять то, что вдруг ожило и стало ускользать.

Я оборачиваюсь и смотрю на него сверху вниз. Долго. Потом улыбаюсь. Не теплой, жениной улыбкой. А той же загадочной, чуть отстраненной, которую сегодня видела у Леры.

— Посмотрим, — говорю я. — У меня завтра планы. Но... подумаю.

И поднимаюсь в спальню, оставляя его одного с фотографиями прошлого и призраком непредсказуемого будущего.

Полевые испытания нового оружия — моей собственной, ожившей личности — прошли успешно. Он заинтригован. Он напуган. Он сбит с толку.

А самое главное — его тайный роман с «тишиной и осознанностью» внезапно перестал быть единственным источником сильных эмоций в его жизни.

Игра входит в новую фазу.

Глава 5. Игра в правду

Воскресное утро застаёт меня с легким похмельем и странным, смешанным чувством триумфа и опустошенности. Я лежу и смотрю в потолок. Рядом Андрей спит беспокойно, ворочается, что-то бормочет. Он вернулся в постель поздно, я слышала его шаги, но притворилась спящей.

«Завтра... может, поедem куда-нибудь?»

Его предложение висит в воздухе комнаты, как неразорвавшийся снаряд. Принять его — значит сыграть по его сценарию, дать надежду, начать процесс «прощения», которого он даже не просил. Отказать — оттолкнуть в тот самый момент, когда он сделал шаг навстречу. Нужен третий путь. Путь, который сохранит интригу и мою власть.

Я встаю, принимаю контрастный душ. Холодная вода бодрит, смывает остатки слабости. Одеваюсь в удобные джинсы и простую белую рубашку, оставляю волосы слегка влажными. Без макияжа. Я должна выглядеть естественно. Уязвимо, но не слабо.

Он спускается на кухню, когда я уже варю кофе в турке, как он любит. Он смотрит на меня, ожидая. Его лицо осунулось за ночь.

— Доброе утро, — говорю я, наливая пенку в его чашку.
— Как спалось?

— Плохо, — признается он, садясь за стол. Он не берет

чашку. — Марин... насчет вчерашнего...

— Не надо, — останавливаю я его легким движением руки. — Не надо ничего объяснять или предлагать. У меня действительно планы. Я договорилась выехать на природу с коллегой. Поработать на свежем воздухе, обсудить проект той самой кофейни.

Я лгу. Но лгу, глядя ему прямо в глаза. Лгу так же, как он. Это игра в зеркало. Он морщится.

— В воскресенье? С коллегой? С каким?

— С Кириллом. Арт-директор. Мы пересеклись на одном мероприятии, у него безумно свежий взгляд на вещи. Он предложил помочь с концепцией.

Я произношу имя «Кирилл» небрежно, как будто это давний знакомый. Андрейстораживается. Мужское имя. Неизвестное ему.

— Никогда о нем не слышал.

— Мир широк, Андрей, — говорю я, садясь напротив с собственной чашкой. — Есть много людей, о которых мы не слышали. И много мест, где мы не были.

Он молчит, пьет кофе. Я вижу, как в его голове крутятся мысли. Ревность? Недоверие? Или просто досада, что его сценарий пошел наперекосяк?

— А куда... вы едете? — спрашивает он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— В Николо-Угрешу. Там тихо, красиво. Погуляем, порисуем эскизы. Я давно не делала набросков с натуры.

Я действительно давно не делала. И мне вдруг дико захотелось. Не для проекта, а для себя. Чтобы зафиксировать что-то настоящее. Возможно, это последний шанс.

— Я могу... я могу поехать с вами? — вырывается у него. Он говорит это не как муж, требующий своего, а как мальчик, который боится остаться в стороне от интересной игры.

Я смотрю на него. Долго. Потом медленно качаю головой.

— Нет, Андрей. Это рабочая встреча. И... мне нужно побыть с другими людьми. С людьми, которые не смотрят на меня как на часть интерьера.

Это удар ниже пояса. Прямой и жестокий. Он вздрагивает, как от пощечины.

— Я так не смотрю.

— А как? — спрашиваю я мягко. — Ты смотришь на меня и видишь Марину, свою жену. Ты не видишь меня уже давно. Так же, как я перестала видеть тебя. Мы стали друг для друга... привычным пейзажем. А пейзаж не удивляет. Не заставляет сердце биться чаще.

Я говорю голосом, полным не упрёка, а грустного понимания. Голосом Леры из ее блога. Но вкладываю в эти красивые слова нашу собственную, безобразную правду.

Он бледнеет. Мои слова попадают в цель точнее, чем любая истерика.

— Это... это из-за работы? Из-за того, что я стал скучным?

— Это из-за всего, Андрей. Из-за молчания. Из-за взгля-

дов, которые скользят мимо. Из-за ужинов, где мы обсуждаем счет за электричество. Из-за того, что ты перестал смеяться над моими шутками. А я перестала их рассказывать.

Я встаю, отношу свою чашку к раковине. Стону к нему спиной.

— Я не хочу ссоры, — говорю я тихо. — Я просто констатирую факт. И пытаюсь что-то изменить. Для начала — изменить свой собственный ракурс. Возможно, глядя на мир под другим углом, я увижу в нем что-то новое. Или вспомню что-то старое.

Я оборачиваюсь. Он сидит, сгорбившись, уставившись в стол. В этот момент он выглядит старым. По-настоящему старым и несчастным.

— А что, если я тоже хочу изменить ракурс? — говорит он почти шепотом.

— Тогда меняй, — пожимаю я плечами. — Но делай это для себя. Не для меня. И не как побег от чего-то. Как поиск.

Я подхожу, кладу руку на его плечо. На этот раз жест не лишен смысла. Это жест... расставания с тем, что было. С тем, во что мы превратились.

— Я вернусь к вечеру.

Я выхожу из дома, оставив его в тишине кухни. У меня дрожат руки, когда я завожу машину. Это был самый тяжелый разговор за все время. Я не кричала, не обвиняла. Я говорила правду. И правда оказалась страшнее любой лжи.

Я не еду в монастырь. Я еду в Серебряный бор. Нахожу

пустую поляну у воды, достаю из багажника складной стульчик и планшет для эскизов. Я не звоню Кириллу. Мне нужно побыть одной.

Я пытаюсь рисовать деревья, отражение в воде. Но из-под моего карандаша выходят лишь угловатые, нервные линии. Не пейзаж. Хаос. Вдруг телефон звонит. Незнакомый номер. Беру трубку.

— Алло?

— Марина? Это Лера. Морозова.

Голос в трубке тихий, но четкий. У меня леденеет кровь. Как она узнала номер? Кирилл? Нет, он бы не стал. Возможно, через общие чаты мастер-класса.

— Здравствуйте, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Я... я набрала вас не случайно. Я хочу кое-что сказать. Возможно, это ошибка, но... я чувствую, что должна.

Она делает паузу. Я молчу, давая ей говорить.

— После нашего разговора... про мужей-механизмы... я не могла перестать думать. Я встретила женщину. Очень похожую на ваше описание. И я... я сделала что-то не то. Я позволила себе стать... утешением. Не в физическом смысле, нет. Но эмоциональным. И теперь я понимаю, что это была иллюзия. С моей стороны. Возможно, и с его.

Сердце заходится у меня в груди. Она говорит про него. Она кается. Мне?!

— Почему вы говорите это мне? — спрашиваю я ледяным

тоном.

— Потому что вы... вы выглядите сильной. Выглядите так, как будто можете это понять. И как будто вам знакомы эти чувства. Я не прошу прощения, я его не заслуживаю. Я просто хочу... предупредить. Если в вашей жизни есть такой мужчина... берегите его. Или отпустите. Но не позволяйте ему искать спасения в чужих тихих гаванях. Это путь в никуда.

Она плачет. Тихо, сдавленно. И в этот момент вся моя ненависть, весь холодный расчет улетучиваются. Передо мной не монстр, не хищница. Передо мной запутавшаяся девочка, которая играла в глубокомысленную фею и нечаянно ранила живого человека. И теперь ей страшно.

— Лера, — говорю я, и мой голос звучит устало, но без злобы. — Вы не виноваты в том, что он искал гавань. Вы виноваты лишь в том, что пустили его к своему причалу. Но вы правы — это путь в никуда. Для всех. Спасибо за звонок. И... разберитесь с собой. Прежде чем кого-то «спасать».

Я кладу трубку. Сажу и смотрю на воду. Ко мне только что позвонила любовница моего мужа, чтобы сказать, что сожалеет. Абсурд. Фарс. И самая горькая ирония в том, что я не чувствую радости. Я чувствую пустоту.

Через час звонит Андрей. Его голос сломан.

— Марин... ты где?

— В бору. Рисую.

— Я... мне нужно тебя видеть. Сейчас.

— Я сказала, вернусь к вечеру.

— Пожалуйста. Это важно.

В его голосе отчаяние, которого я не слышала никогда. Даже когда умирала его мать. Я вздыхаю.

— Хорошо. Давай адрес.

Он называет место. Это не дом. Не дача. Это смотровая площадка на Воробьевых горах. Там, где мы когда-то, студентами, целовались, глядя на огни Москвы.

Когда я подъезжаю, он уже там. Стоит спиной, опершись на парапет. Подходит.

— Она мне позвонила, — говорит он, не глядя на меня.

— Кто? — спрашиваю я, хотя знаю ответ.

— Лера. Сказала... что все кончено. Что это была ошибка. Что она встретила кого-то, кто открыл ей глаза.

Я молчу. Жду.

— Она сказала, что этот кто-то... был очень похож на тебя. По духу. Сильный. Знающий боль.

Он оборачивается. Его лицо мокрое от слез. Мужчины не плачут. Но он плачет.

— Это была ты, Марин? Ты с ней говорила?

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Да. Я была на ее мастер-классе в субботу. Мы говорили о жизни. Ничего конкретного. Просто... о пустоте. И о свете на старых фотографиях.

Он смотрит на меня, и в его глазах — ужас, восхищение и бесконечная усталость.

— Ты знала. Все это время знала.

— Да.

— И почему... почему ты ничего не сказала? Не кричала? Не требовала?

— Потому что крики и требования — это то, что ты ожидал, — говорю я тихо. — Это часть сценария «виноватого мужа и обиженной жены». Я не хотела играть в эту пьесу. Я хотела... понять. Хотела дать тебе выбор. Не между мной и ею. А между правдой и ложью. В том числе — правдой о самом себе.

Он опускается на скамейку, закрывает лицо руками. Его плечи трясутся.

— Я не люблю ее. Я думал, что люблю. Но это была не любовь. Это был побег. От тебя. От себя. От этой страшной, гулкой тишины, которая между нами.

— Я знаю, — сажусь я рядом, но не касаюсь его. — Я тоже в ней жила.

— Что нам делать, Марин? — он поднимает на меня заплаканные глаза. — Мы можем это пережить?

Я смотрю на огни города. На нашу молодость, на нашу историю, на всю эту сложную, запутанную жизнь, что раскинулась внизу.

— Не знаю, — говорю честно. — Пережить — может быть. А вот вернуться назад... назад нельзя.

— Я не хочу назад, — говорит он вдруг с силой, хватая мою руку. Его пальцы холодные, цепкие. — Я хочу... чтобы

было иначе. Хочу заслужить шанс. На что-то новое. С тобой.

В его словах нет пафоса. Есть только обнаженное, голое отчаяние и какая-то детская надежда.

— Заслужить — это не слово, Андрей, — освобождаю я свою руку. — Это действия. Долгие, трудные. И начинаются они не с обещаний мне. А с честного разговора с самим собой. Кто ты? Что ты наделал? И зачем?

Я встаю. Вечерний ветер треплет мои волосы.

— Я не готова сейчас что-то решать. Мне нужно время. Чтобы переварить. Чтобы понять, кто я теперь, после всего этого. А тебе... тебе нужно пожить с этой правдой. Со всей ее горечью. Не как с наказанием. А как с фактом.

Он смотрит на меня снизу вверх, и в его взгляде я читаю страх. Страх меня потерять. По-настоящему. Не как привычный элемент быта, а как человека, который вдруг обрел голос и силу.

— Ты уходишь?

— Нет. Я еду домой. Но я буду спать в гостевой. Нам нужно пространство. Воздух.

Я поворачиваюсь и ухожу к своей машине. Не оглядываюсь. Я чувствую его взгляд у себя на спине. Жгучий, полный боли и осознания.

По дороге домой я плачу. Впервые за всю эту историю я позволяю слезам течь свободно. Не от горя, а от опустошающего, оглушительного облегчения. Маска сорвана. Ложь развеяна. Мы стоим на пепелище нашего старого брака, и ветер

раздувает холодный пепел между нами.

Дома я действительно иду в гостевую комнату. Завариваю чай, сажусь у окна. Через час слышу, как он возвращается. Слышу его шаги на лестнице. Он останавливается у закрытой двери гостевой. Стоит молча. Потом тихо стучит.

— Да?

— Можно?

— Войди.

Он входит. Он умылся, но следы слез еще видны. В руках он держит две простые белые тарелки и на них — два бутерброда. Черный хлеб, сыр, огурец. Такие, какие мы делали в первые годы, когда денег было мало, а счастья — много.

— Я... я не умею готовить ничего сложного, — говорит он, глупо протягивая мне одну тарелку.

Я беру. Смотрю на этот нелепый, трогательный бутерброд.

— Спасибо.

Он садится на пол у моих ног, прислонившись к стене, и начинает есть свой. Мы едим молча. Это самый честный ужин за последние годы. Без лжи. Без недомолвок. Просто два уставших, израненных человека, которые разделяют хлеб на развалинах своего общего мира.

— Я уволюсь с работы, — говорит он вдруг, не глядя на меня.

— Что? Почему?

— Потому что она — не вся там. Потому что я начал врать сначала там, а потом принес это сюда. Мне нужно все начать

с чистого листа. Или, по крайней мере, с менее испачканного.

В его словах нет театральности. Есть решение.

— А что будешь делать?

— Не знаю. Может, открою маленькую столярную мастерскую. Всегда любил работать с деревом. А может, буду таксистом. Не важно. Важно, чтобы это было мое. Честное.

Я кладу недоеденный бутерброд на тарелку.

— Это не спасет нас, Андрей.

— Я знаю. Это спасет меня. Или, по крайней мере, попытка. А нас... если ты захочешь, мы попробуем строить что-то новое. На этом пепелище. Не сразу. Когда-нибудь. Если у тебя будут силы.

Он поднимает на меня глаза. В них нет надежды вымолить прощение сейчас же. Есть лишь готовность долго идти по пустыне, не зная, найдет ли он в конце оазис.

Я не отвечаю. Не могу. Слишком много всего.

Он забирает тарелки, уходит. Дверь закрывается.

Я остаюсь одна в тишине гостевой комнаты. В тишине, которая уже не кажется гулкой и враждебной. Она просто тихая. Как пауза между нотами. Как пространство для нового текста.

И я понимаю, что моя война не выиграна и не проиграна. Она просто трансформировалась. В нечто более сложное, хрупкое и пугающее. В возможность. Возможность конца. Или нового начала.

Глава 6. Карта развалин

Понедельник начинается с того, что я просыпаюсь от крика. Моего собственного. Я сижу на кровати в гостевой комнате, сердце колотится, в горле пересохло. Мне снилось, что я иду по нашему дому, но все комнаты пусты, обои свисают лохмотьями, а в центре гостиной стоит она, Лера, и рисует на стене акварелью огромный, идеально выведенный иероглиф, означающий «тишина». И я понимаю, что это не наш дом. Это ее блог. И я застряла внутри.

Я сижу, дышу, стараюсь прийти в себя. За дверью — тишина. Он, наверное, уже ушел. Или еще спит. Наше новое сосуществование в одном пространстве, но в разных мирах, пока что дается тяжело.

Спускаюсь на кухню. Он там. Сидит с чашкой кофе, уставившись в одну точку. На нем спортивный костюм, но выглядит он так, будто не спал всю ночь. Он вздрагивает, когда я вхожу.

— Доброе утро, — говорю я нейтрально, направляясь к кофемашине.

— Доброе. Ты... кричала. Мне показалось.

— Приснилось что-то, — отмахиваюсь я, но ловлю его встревоженный взгляд. Раньше, когда мне снились кошмары, я будила его, и он, сонный, обнимал меня, бормоча: «Все хорошо, я тут». Теперь я кричу одна в пустой комнате.

Неловкое молчание. Звук кофемашины кажется оглушительным.

— Я сегодня подам заявление об увольнении, — говорит он, ломая тишину.

— Ты уверен? — спрашиваю я, не оборачиваясь. — Это опрометчиво. На эмоциях.

— Я уверен, что не могу больше там находиться. Каждый угол, каждый совещательный зал... они все напоминают мне о том, как я лгал. По телефону. По почте. Встречался с ней в кафе напротив офиса. Мне нужно очистить поле.

В его голосе — решимость, граничащая с отчаянием. Это не геройский поступок. Это бегство. Но бегство в правильном направлении? Я не знаю.

— Как отреагирует руководство?

— Потеряют ценного сотрудника, — он пожимает плечами. — Будут уговаривать. Предложат отпуск. Но я откажусь. У меня есть накопления. Хватит на год, если экономно.

Я поворачиваюсь, опираясь о стойку. Кофе в моей чашке пахнет горько и неумолимо, как этот разговор.

— А что я? Я часть этих «накоплений»? Наша общая квартира, машины, дача? — мой голос звучит резко, и я не могу сдержаться. — Ты решил все в одиночку, не спросив меня. Опять.

Он вздрагивает, словно от удара.

— Нет. Я... я не подумал. Ты права. Это наше общее. Я просто... я должен что-то сломать. В своей жизни. Чтобы

начать строить заново.

— Сломать — легко, — говорю я, делая глоток кофе. Он обжигает язык. — Строить — трудно. Особенно, если не знаешь плана и не уверен, хочешь ли ты вообще строить на этом месте.

Я вижу, как боль отражается в его глазах. Я жестока. Но я не могу быть мягкой. Не сейчас. Моя собственная боль еще слишком свежа и зубаста.

— Я пойду на работу, — говорю я, ставя чашку в раковину. — У меня сегодня презентация для тех самых немцев. Ирония, да?

Я ухожу, оставляя его одного за кухонным столом. По дороге в офис я пытаюсь сосредоточиться на слайдах, на цифрах, на дизайне. Но в голове крутятся обрывки: его заплаканное лицо на Воробьевых горах, бутерброд на белой тарелке, сонная тишина гостевой комнаты. Я чувствую себя так, будто иду по минному полю, уже после взрыва. Вокруг воронки, дым, искалеченные остатки того, что раньше было надежной почвой под ногами.

В офисе меня ждет сюрприз. Заказчик-немец, педантичный господин Шульц, не один. С ним молодая женщина, переводчик и, как выясняется, его дочь, Лиза. Ей лет двадцать пять, и она — живое воплощение той самой «новой жизни»: уверенная, умная, с острым, оценивающим взглядом. Она сразу берет инициативу в свои руки, задает вопросы, которые ставят под сомнение мои первоначальные расчеты. Ее

отец смотрит на нее с гордостью.

И вот я, сорокавосемилетняя женщина, чей мир только что развалился на части, пытаюсь защитить свой проект перед парой, которая олицетворяет все, чего нет в моей жизни: преемственность, взаимное уважение, общее дело. У меня перехватывает горло. Я делаю паузу, пью воду.

— Извините, — говорю я. — У меня... сегодня сложное утро.

Лиза смотрит на меня внимательно, без осуждения.

— Мы все люди, фрау Сомова. Может, сделаем перерыв? Я вижу, вы вложили в этот проект душу. Цифры — цифрами, но душа — это главное.

Ее слова, сказанные с легким акцентом, ранят неожиданно глубоко. Душа. Та самая, которую я пыталась спасти холодными расчетами и стратегиями мести. Которая теперь истерзана и лежит в кровавом комке где-то под ребрами.

После успешной, но вымотавшей презентации (проект приняли, с поправками Лизы, которые, к моему стыду, были блестящими) я сижу одна в переговорке. В дверь стучит Лиза.

— Можно?

— Конечно.

Она заходит, прикрывает дверь.

— Я хотела извиниться, если была слишком резка. Мой отец говорит, я всегда лезу напролом, как бульдозер.

— Вы были профессиональны, — говорю я, пытаюсь улыб-

нуться. — И очень помогли.

— Спасибо. Но я видела, что вам тяжело. Это не было связано с работой. — Она садится напротив. Ее взгляд прямой, открытый. — Я не хочу лезть в ваши дела. Но мой отец... он тоже пережил кризис. Семейный. Я видела, как это его ломало. И как он потом собирался. Иногда... иногда просто нужно, чтобы кто-то сказал: «Я вижу вашу боль. И это нормально».

Я смотрю на эту молодую, мудрую не по годам девушку, и слезы, которых я не позволила себе при Андрее, подступают к глазам. Я отчаянно моргаю.

— Спасибо, — хриплю я. — Это... очень по-человечески.

— Мы все архитекторы, — улыбается она. — Не только зданий. Но и своей жизни. Иногда приходится сносить старые, обветшавшие постройки, чтобы возвести что-то новое. Это больно. Но это единственный способ.

Она встает, оставляет на столе свою визитку.

— Если вам понадобится просто поговорить. Или нужен будет свежий взгляд на... на любой проект. Не стесняйтесь.

Она уходит. Я сижу, сжимая в руках бумажку. Визитка теплая от ее рук. Этот неожиданный акт доброты от совершенно чужого человека раскалывает мою ледяную оболочку. Я плачу. Тихо, чтобы никто не услышал в офисе. Плачу от усталости, от боли, от страха перед этим «новым строительством», о котором она сказала.

Возвращаюсь домой поздно. Я задержалась, боялась той

гнетущей тишины, что теперь царит в нашем доме. Но когда я открываю дверь, меня встречает не тишина. Из гостиной доносятся звуки — не телевизора. Это музыка. Старый, забытый альбом того самого французского шансона, о котором писала Лера. Тот, что она нашла на блошином рынке.

Сердце уходит в пятки. Он что, снова?..

Я иду в гостиную. Андрей сидит на полу, спиной к дивану. Перед ним на журнальном столике — его ноутбук, открытый на каком-то сайте, и лист бумаги. Он что-то пишет. Рядом лежит наша старая гитара, покрытая пылью. Он не играл на ней лет пятнадцать.

Он оборачивается. Его лицо бледное, но сосредоточенное.

— Привет. Я... нашел этот альбом. Вспомнил, как ты когда-то любила эту песню. «La Vie en rose». Ты пела ее в душе.

Я помню. Я пела. А он, бывало, подпевал, фальшивя. Мы смеялись.

— Зачем? — спрашиваю я, останавливаясь в дверях.

— Я не знаю. Просто... слушал. И пытался понять. Что она в этом нашла. Что я в этом нашел. — Он делает паузу. — Я нашел только тоску. Красивую, стилизованную тоску. И понял, что бежал не к чему-то. Я бежал от чего-то. От того, что наша «жизнь в розовом цвете» давно выцвела. И вместо того, чтобы попытаться вернуть цвет... я побежал восхищаться чужими черно-белыми открытками.

Он встает, подходит ко мне. Не близко. На расстоянии вытянутой руки.

— Я сегодня не подал заявление. Я пошел к психологу. К семейному. Одному. На первую консультацию.

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

— Зачем?

— Потому что я понял, что не знаю, как строить. Не знаю, как быть честным. Не знаю, как просить прощения, не требуя его взамен. Мне нужна помощь. Чтобы разобраться в этих... развалинах. Чтобы составить карту. Чтобы хотя бы понять, что здесь вообще было, прежде чем думать о новом фундаменте.

В его словах нет пафоса. Есть тяжелая, кропотливая работа. Та самая, о которой я говорила.

Музыка продолжает играть. Нежная, ноющая мелодия заполняет пространство между нами.

— И что сказал психолог?

— Что я пришел. И это первый шаг. Что разрушение — это тоже процесс. И что его нужно пережить, а не игнорировать. Он дал мне «домашнее задание». — Он показывает на лист бумаги. — Составить список. Всего, что я потерял. И всего, что я хотел бы иметь. Без привязки к реальности. Просто... помечтать.

Он берет лист, неуверенно протягивает мне. Я не беру.

— Это твое. Не мое.

— Я знаю. Но я хочу, чтобы ты знала. Что я делаю эту работу. Не для галочки. Для себя. И... возможно, для нас. Если ты когда-нибудь захочешь взглянуть.

Я молча киваю. Музыка доигрывает, и наступает тишина. Но она уже не гулкая. Она... ожидающая.

— Я еще не готова, Андрей, — говорю я честно. — Я до сих пор вижу ее лицо. Слышу ее голос в трубке. Чувствую запах того парфюма на твоей одежде. Это как осколки стекла. Они везде. И я боюсь наступить.

— Я знаю, — говорит он тихо. — Я буду убирать. Метр за метром. Даже если это займет годы. Я обязан.

Он отходит, берет гитару, сдувает пыль с грифа.

— Я, наверное, пойду спать, — говорю я, чувствуя, что еще минута — и я развалюсь здесь, на этом самом месте.

— Марин? — он окликает меня, когда я уже на лестнице.

— Да?

— Спасибо. Что осталась. Даже в гостевой. Это больше, чем я заслуживаю.

Я не отвечаю. Поднимаюсь наверх. Захожу не в гостевую, а в нашу спальню. Впервые за несколько дней. Ложусь на свою сторону кровати. Она пахнет мной. И одиночеством.

Через какое-то время доносится тихий, неуверенный перебор струн. Он пытается вспомнить аккорды. Фальшивит. Останавливается. Начинает снова.

Я закрываю глаза. Слезы текут по вискам и впитываются в подушку. Это не слезы горя. И не слезы прощения. Это слезы той самой боли, которую признала Лиза Шульц. Боли от сноса. От вида обнажившихся, кривых балок и груды битого кирпича, которая когда-то была домом.

А внизу, под аккомпанемент фальшивящей гитары, мой муж составляет карту наших развалин. И впервые за долгое время я не чувствую себя на этой карте одиноким, заблудившимся путником. Я чувствую себя... соучастником катастрофы. Которая, возможно, когда-нибудь станет отправной точкой для нового маршрута.

Глава 7. Пыль на солнце

Следующие две недели превращаются в странный, ритмичный танец на минном поле. Мы движемся по дому по разным, давно изученным траекториям, избегая столкновений, как два призрака в одном замке. Завтрак в разное время. Ужин — если он вообще случается — чаще всего в одиночестве. Он спит в спальне, я — в гостевой. Но каждый вечер, ровно в девять, он приходит ко мне в дверь. Не заходит. Стоит и говорит: «Доброй ночи, Марин». И уходит. Это наш новый ритуал. Ритуал напоминания: я здесь. Я помню. Я не сбежал.

Он действительно ходит к психологу. Раз в неделю. Привозит оттуда не озарения, а тяжелую, вязкую усталость, как будто копал землю голыми руками. Иногда после сеанса он садится в машину и едет неизвестно куда. Я не проверяю. Но однажды он вернулся с запахом свежей стружки и сосновой смолы. Оказалось, нашел ту самую столярную мастерскую на окраине, куда можно приходить и работать за небольшие деньги. Он принес домой кривую, неумело сбитую табуретку. Поставил ее в угол гостиной, как трофей.

— Это ужасно, — сказала я, рассматривая ее.

— Знаю, — кивнул он. — Но она держится. И я сделал ее сам. От начала до конца.

Я тронула пальцем шершавую поверхность. Это было

честно. Как его слезы. Как его фальшивящая гитара.

Я же ушла в работу с головой. Новый проект с немцами, который теперь курировала Лиза, стал моим спасательным кругом. Мы часто созванивались, обсуждали детали. Ее прагматизм и свежий взгляд были бальзамом. Как-то раз, уже ближе к вечеру, разговор сошел с рабочих рельсов.

— Как ваша... стройка? — осторожно спросила она.

— На стадии разбора завалов, — ответила я, глядя в окно офиса на темнеющее небо. — Иногда кажется, что разбирать нечего. Одна пыль.

— Пыль — это тоже материал, — сказала она после паузы. — Из нее делают кирпичи. В некоторых культурах. Нужно только найти воду, чтобы замесить.

Вода. Слезы. Пот. Кровь. У нас этого, кажется, было в избытке.

В одну из суббот раздался звонок в домофон. Я подошла, ожидая курьера. На экране — женское лицо, знакомое и чужое одновременно. Юлька. Моя подруга, с которой я танцевала в джаз-клубе. Я впустила ее, с странным чувством вины. Я ведь использовала ее тогда как часть спектакля.

Она ворвалась в прихожую, как ураган в ярком плаще и с огромным бумажным пакетом.

— Все, хватит! — объявила она, сбрасывая каблуки. — Две недели от тебя ни слуху ни духу! Ты выложила пару старых фото, сводила меня в клуб, а потом — фьють! Испарилась! Я не позволю.

Она прошмыгнула на кухню, начала расставлять по столу контейнеры: грузинские хачапури, салаты, что-то еще.

— Юль, я...

— Молчи. Голодать в осаде вы будете потом. А пока — еда. И объяснения. Где твой благоверный, кстати?

Как по заказу, на лестнице послышались шаги. Андрей стоял в дверях кухни, в старых трениках и футболке, с измерительной рулеткой в руке. Он смотрел на Юльку, потом на меня, растерянный.

— Юля... здравствуй.

— Здравсьте, — фыркнула она, не глядя на него. — Я принесла обед. Для Марины. Тебе, если будешь вести себя прилично, тоже перепадет.

Он кивнул, как заученный урок, и отступил, словно испугавшись ее напора.

— Я... я пойду в гараж. Поработаю.

— Работай, — бросила ему вслед Юлька и, наконец, обернулась ко мне. — Что с ним? Как будто призрак. И ты тоже.

Мы сели за стол. Я не хотела говорить. Но Юлька не была Лерой. Она не ждала красивых фраз. Она требовала факты. И, глотая хачапури, под неумолчный поток ее вопросов («Что случилось? Он что, бабу завел? А, так и есть! Я по нему вижу, виноватый как суслик! А ты что молчала, дура?») — я выложила все. Почти все. О файле, о звонке-разведке, о мастер-классе, о звонке Леры, о разговоре на Воробьевых горах. О развалинах.

Юлька слушала, не перебивая, что для нее было подвигом. Ее лицо стало серьезным. Когда я закончила, она отодвинула тарелку и закурила прямо на кухне, чего я терпеть не могла. Но сейчас я не стала протестовать.

— Дрянь, — выдохнула она наконец, имея в виду Леру. — Идиот, — это про Андрея. — И героиня, — это про меня. — Зачем ты все это в себе носила? Надо было сразу прийти, я бы ему... я бы ему все объяснила!

— Объяснила что? — горько усмехнулась я. — Что он сволочь? Он и так это знает.

— Ну и что теперь? Ты в гостях живешь, он табуретки мастерит, а вы оба сдуваете пыль друг с друга, боясь чихнуть?

— Что-то вроде того.

Юлька потушила сигарету в пустой банке из-под оливок.

— Слушай меня, Маринка. Я твоя подруга. И я скажу тебе то, что ты сама знаешь, но боишься признать. Ты его еще любишь. Не того, придурка с сандаловым одеколоном. А того, который эту табуретку, дурацкую, сделал. Который плакал на Воробьевых. Который «доброй ночи» говорит у двери. Любовь — она не прощение. Это... материал. Как та самая пыль. Его можно выбросить. А можно замесить и попробовать что-то слепить. Но решать тебе. А сидеть между двух стульев... — Она посмотрела на ту самую табуретку в углу. — ...или на одной табуретке — только нервы трепать.

После ее ухода, оставившей после себя запах сигарет и еды, в доме снова воцарилась тишина. Но ее слова висели

в воздухе. «Ты его еще любишь». Я ненавидела эту мысль. Она делала меня уязвимой. Она оправдывала его. Но... была ли это ложь?

Вечером он не пришел сказать «доброй ночи». Я лежала и прислушивалась. Внизу доносились звуки: скрип, стук, запах лака. Он что-то делал. Поздно ночью, уже за полночь, я не выдержала. Накинула халат и спустилась.

В гостиной горел свет. Его не было. Но на журнальном столике, рядом с его ноутбуком, лежал предмет, обернутый в грубую крафтовую бумагу и перевязанный бечевкой. Рядом — записка, написанная его размашистым почерком: «Не табуретка».

Я развязала бечевку. Под бумагой была деревянная шкатулка. Небольшая, прямоугольная. Она была сделана несравненно лучше той табуретки. Углы были стесанные, гладкие, крышка плотно прилегала. Но самое главное — на крышке был выжжен рисунок. Неумелый, детский. Две палки-человечка, держащиеся за руки. И надпись: «М&А. Крым. 1998».

Тот год. Тот самый пляж. Тот самый смех. Тот самый взгляд.

Я открыла шкатулку. Внутри не было ничего. Только запах свежего дерева и воска. Пустота. Чистая, готовая к заполнению. Или так и оставшаяся пустой навсегда.

Я стояла, держа в руках этот нелепый, трогательный артефакт, и чувствовала, как внутри что-то сжимается и тает одновременно. Он не просил прощения. Он не обещал ничего.

Он просто... сделал. Вложил время. Боль. Память. Попытку. Как ту табуретку. Только лучше.

Я услышала шаги на лестнице. Он стоял на середине, в пижаме, с опаской глядя на меня.

— Я... не спалось. Услышал, как ты спустилась.

Я не могла говорить. Просто показала ему шкатулку.

— Это... красиво.

— Нет, — покачал он головой. — Криво. Но... честно. Я хотел что-то... вместить. Нашу пустоту. Или нашу память. Не знаю.

Я поставила шкатулку на стол.

— Спасибо.

— Марин... — он сделал шаг вниз. — Юля права. Сидеть между двух стульев... нельзя.

— Ты подслушивал?

— Кухня под окнами гаража. Да.

Я вздохнула.

— И что ты предлагаешь?

— Я не имею права ничего предлагать. Но я могу... попросить. Не прощения. Времени. Не в гостевой. Не здесь, в этой тишине. Где-нибудь... на нейтральной территории. Просто поговорить. Как люди. Которые когда-то знали друг друга лучше всех на свете.

Он стоял, ожидая удара. Отказа. Осмеяния.

— Например? — спросила я.

— Завтра. Утром. В Третьяковку. На выставку того самого

импрессиониста, книги которого я покупал... — он запнулся, покраснел. — ...для того, чтобы казаться умнее. Но теперь я хочу посмотреть на эти картины по-настоящему. И, если захочешь, ты можешь показать мне их своими глазами. Глазами архитектора. Глазами... Марины.

Это было не романтическое свидание. Это была капитуляция. Признание, что он ничего не знает. Ни об искусстве. Ни обо мне. И просьба о помощи в этом незнании.

Я посмотрела на шкатулку. На двух палочных человечков. На пустоту внутри.

— Хорошо. В одиннадцать. У входа.

Его лицо озарилось не надеждой, а чем-то вроде облегчения. Как у человека, которого наконец-то допустили на порог дома, который он сам же и поджег.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не свидание.

— Я знаю.

На следующее утро я надела простые джинсы, свитер и кроссовки. Без особых усилий. Он ждал у колонн, в том самом новом пальто, которое покупал, кажется, для встреч с ней. Он выглядел напряженным, как школьник на экзамене.

Мы вошли, купили билеты, поднялись в залы. Сначала мы шли молча, из зала в зал, останавливаясь у одних и тех же картин. Потом он, глядя на размытые очертания «Бульвара Капуцинок», сказал:

— Раньше мне это казалось просто недоделанным. Те-

перь... теперь я вижу, как дрожит воздух. Как мимолетно мгновение.

— Это и есть суть, — сказала я, не глядя на него. — Поймать ускользающее. Свет. Настроение. Движение. То, что нельзя зафиксировать намертво.

— Как чувства, — тихо произнес он.

Мы дошли до картины, где женщина в белом платье сидела в лодке, а мужчина, стоя сзади, управлял веслом. Фон был смазан в зелени и отражениях воды.

— Что ты здесь видишь? — спросил он.

Я смотрела на картину. На легкую, почти невесомую фигуру женщины. На сосредоточенное лицо мужчины.

— Я вижу тишину, — сказала я наконец. — Но не пустую. Наполненную. Шепотом воды, шелестом листьев, бием двух сердец, которые пока еще бьются в унисон. Они не смотрят друг на друга. Но они вместе в этом мгновении. И это мгновение — все, что у них есть. Завтра лодка может пристать к берегу, и они разойдутся. Но сейчас... сейчас они — целый мир.

Я замолчала, смущенная собственной откровенностью. Он стоял рядом, не двигаясь, вглядываясь в мазки на холсте, как будто стараясь увидеть то же самое.

— Я думал, что искал что-то вечное. Незыблемое. А нашел... мираж. А настоящее, оказывается, было здесь. В этих самых мимолетных, дрожащих моментах. Которые я... которые мы проморгали.

Мы дошли до конца выставки и вышли на улицу. Был холодный, но солнечный день. Пыль в воздухе, поднятая ветром, кружилась в лучах, превращаясь на мгновение в золото.

— Спасибо, — сказал он. — За экскурсию.

— Не за что.

Мы шли к метро, и между нами было сантиметров пятьдесят. Не пропасть. Но и не близость.

— Марин, я... Я подал заявление на увольнение. Вчера. После разговора с Юлей. Решил, что не могу тянуть. Мне дают два месяца на передачу дел.

— И что будешь делать?

— Пока — работать в той мастерской. Учусь. Может, попробую делать мебель. Простую. Честную. Как ту шкатулку.

Он говорил без пафоса. О будущем, которое было туманным и пугающим.

— А что... что насчет нас? — рискнул он задать вопрос, смотря под ноги.

— Я не знаю, Андрей. Я до сих пор вижу ее лицо. Но сегодня... сегодня я его почти не видела. Я видела картины. И тебя рядом. Не того, другого. А того, который боится и пытается понять.

Он остановился, повернулся ко мне. Его лицо было обращено к солнцу, и в глазах стояли слезы. Не от горя. От этого яркого, колкого света.

— Этого достаточно. На сейчас. Большого я не прошу.

Мы дошли до станции. Он должен был ехать в одну сто-

рону, я — в другую.

— До свидания, — сказала я.

— До свидания, Марин.

Я пошла вниз по эскалатору. Не оглядывалась. Но чувствовала его взгляд на своей спине. Тяжелый, полный боли и той самой мимолетной, дрожащей надежды.

Дома я взяла шкатулку. Протерла с нее пыль. Не ту, что была на солнце. Ту, что осела внутри меня за годы молчания. И поставила ее на полку в гостиной. На самое видное место. Рядом с кривой табуреткой.

Они стояли рядом — уродливое и трогательное, неумелое и честное. Карта развалин и первый, шаткий кирпичик нового фундамента. Из той самой пыли, что кружилась сегодня на солнце. Которую еще только предстояло замесить.

Глава 8. Сторонний наблюдатель

Тот вечер после выставки прошел в непривычной, почти мирной тишине. Мы не обедали вместе, но сидели в гостиной, каждый в своем углу: он — с чертежами какой-то полки, я — с альбомом по импрессионизму, купленным в музейном магазине. Иногда наши взгляды встречались над страницами, и мы оба поспешно отводили глаза, словно пойманные на чем-то запретном. Никаких «доброй ночи» у двери. Вместо этого, перед тем как подняться, он просто сказал: «Спокойной ночи, Марин». И я ответила: «Спокойной, Андрей».

Несмотря на усталость, я долго ворочалась в гостевой кровати. Обрывки картин смешивались с обрывками сегодняшних чувств: мазки сиреневого и золотого, его профиль на фоне музея, запах краски и дерева, твердое, теплое дерево шка-тулки в моих руках. Я злилась на себя. Злилась за то смятение, которое он снова вызвал во мне. За то, что хрупкое равновесие ненависти и равнодушия было нарушено. Юлька права. Сидеть между двух стульев мучительно.

На следующее утро меня разбудил визг дрели. Я накинула халат и выглянула в коридор. Шум доносился из спальни. «Нашей» спальни. Сердце ушло в пятки. Что он там делает? Ломает? Сжигает?

Я подошла к приоткрытой двери. Андрей, в рабочей одежде, с перфоратором в руках, методично снимал со стены

огромную, тяжелую полку из темного дерева. Ту самую, что мы когда-то выбирали вместе, в первый год жизни в этом доме. Она всегда мне не нравилась своей массивностью, но он настаивал — «солидно».

— Что ты делаешь? — спросила я, не скрывая изумления.

Он выключил дрель, обернулся. Лицо было серьезным, сосредоточенным.

— Разбираю крепость. По кирпичику. Начиная с этого монстра. Он давит.

Он говорил не о полке. Он говорил о всем том, что она символизировала: о тяжеловесности, о неуклюжей «солидности» нашей прежней жизни, о компромиссах, которые стали тиранией.

— Куда ты ее денешь?

— Распилю. Пойдут на дрова для камина на даче. Или на ту самую мебель. Честную и легкую.

Он взглянул на меня. «Ты не против?»

Что я могла сказать? Это была его территория так же, как и моя. Но он спрашивал. Впервые за долгое время он спрашивал моего мнения о чем-то, касающемся нашего общего пространства.

— Нет, — сказала я. — Не против. Она и правда давит.

Я вернулась на кухню, оставив его возиться с крепежом. Звук перфоратора. Это был звук разрушения, которое не несло в себе злобы. Это была хирургическая операция.

Через час, когда я пила кофе, он спустился, весь в белой

пыли, как призрак.

— Марин, мне нужен твой взгляд. Архитектурный.

Я подняла брови.

— На что?

— На пустоту, — он улыбнулся криво. — Там, где была полка, теперь просто стена. И я не знаю, что с ней делать. Оставить пустой? Покрасить в другой цвет? Повесить что-то легкое?

Это был вызов. И доверие. Он приглашал меня не просто в спальню, а в эпицентр наших развалин, предлагая вместе решить, что будет на этом месте. Я колебалась секунду, потом кивнула.

Стена действительно выглядела голой и уязвимой без массивной полки. Следы от креплений, полоса более темных обоев. Это была открытая рана в комнате, которая была свидетелем и нашей страсти, и нашего охлаждения, и бессчетного количества ночей, проведенных спиной к спине.

— Ее нужно зашпаклевать и перекрасить всю стену, — сказала я профессионально. — Этот оттенок бежевого слишком уныл. Можно взять что-то очень светлое. Почти белое, с серым подтоном. И... повесить не одну картину. А, например, три небольших графических работы в тонких рамках. Светлых. Чтобы стена «дышала».

Он слушал, внимательно глядя на стену, как будто пытался увидеть то, что видела я.

— Три работы... А что на них должно быть?

— Не знаю. Что-то легкое. Абстракция. Или те же импрессионисты, но в виде постеров. Что-то, что не давит, а парит.

— «Парит», — повторил он за мной, обдумывая. — Да. Это хорошо. Поможешь выбрать?

— Посмотрим, — ответила я уклончиво, но внутри что-то едва слышно щелкнуло. Это был первый совместный проект после катастрофы. Не по необходимости, а по желанию. Желанию создать что-то новое на месте старого.

Вечером того же дня раздался звонок. Аня. Дочь. Голос у нее был взволнованный, не такой, как обычно.

— Мам, привет. Ты... одна?

— Нет, папа тут. Что случилось?

— Я... лучше с тобой. Можно?

Я прошла в кабинет, закрыла дверь.

— Говори, солнце. Ты меня пугаешь.

— Мам, я... я беременна.

Мир замер на секунду. Затем в голове пронесся вихрь: вопросы, тревоги, паника. Ане всего двадцать три. Она только закончила учебу. У нее нет постоянной работы в Праге. Ее парень, Милан, милый чешский парень, с которым она встречается год...

— Ты уверена? Ты... как?

— По-разному. Тест. Врач. Три месяца.

Три месяца. Она скрывала. От меня. Возможно, и от него.

— Милан знает?

— Да. Он... он счастлив. Говорит, женится, все будет хорошо. Но мам... я так боюсь. Я не планировала. Я не знаю, что делать. Я хотела строить карьеру, путешествовать... А теперь...

Она заплакала. Тихими, надрывными рыданиями, которые рвали мне сердце. В этот момент я перестала быть женщиной с разбитым браком. Я стала матерью, чье дитя в беде.

— Слушай меня, Анечка. Дыши. Все будет хорошо. Это не конец света. Это... новый сценарий. Сложный, да. Неожиданный. Но мы справимся. Все. Я, папа. И Милан, если он действительно счастлив и готов. Ты не одна. Ты поняла? Не одна.

Я говорила это ей, но слова будто отскакивали от стен и летели ко мне самой. «Не одна». А я? Разве я не была одна все эти месяцы? Но сейчас, слушая рыдания дочери, я поняла: одиночество — это выбор. И, возможно, я готова сделать другой.

— Мам, а как папа? Он... он будет в ярости? Он же так хотел, чтобы я сначала «встала на ноги».

— Папа изменился, — сказала я честно, сама удивляясь своим словам. — Он сам сейчас учится стоять на новых ногах. Дай ему шанс. Он будет поддерживать тебя. Я уверена.

Мы проговорили еще полчаса. Я уговаривала ее приехать домой, хоть на недельку. Побывать с нами. Подумать. Она обещала поговорить с Миланом и купить билеты.

Когда я вышла из кабинета, я была другим человеком. Все

мои внутренние бури, все расчеты, вся война — померкли перед лицом этой новой, огромной реальности. Я стала бабушкой. Вернее, стану.

Андрей сидел в гостиной, чистил кисти от лака. Он посмотрел на мое лицо и сразу насторожился.

— Что-то случилось? С Аней?

Я кивнула, села напротив него. Рассказала. Кратко, без эмоций, просто факты. Он слушал, не перебивая. Его лицо стало каменным. Я видела, как в его голове проносятся те же мысли, что и у меня: возраст, карьера, ответственность, страх.

Когда я закончила, он долго молчал, смотря в пустоту. Потом спросил:

— Она напугана?

— Ужасно.

— А он? Парень?

— Говорит, что счастлив и готов жениться.

— Бред, — резко выдохнул Андрей. — Он ребенок. Они оба дети. Они не понимают...

— Понимают, — перебила я. — Они понимают, что напуганы. И что теперь их двое против всего мира. Им нужна наша помощь. Не осуждение. Не паника. А помощь.

Он поднял на меня глаза. В них была буря.

— И что мы можем? Мы... мы сами...

— Мы сами разваливаемся, — договорила я за него. — Но это не освобождает нас от обязанности быть родителями.

Более того. Возможно, это шанс. Шанс перестать копать в своих ранах и помочь тому, кто реально в них нуждается. Вместе.

Слово «вместе» повисло в воздухе. Оно было опасным. Но в контексте новости о ребенке оно обрело не романтический, а сугубо практический смысл.

Он встал, прошелся по комнате.

— Нужно будет помогать деньгами. У них ничего нет. Нужно будет, возможно, забрать ее сюда, если что. Нужно...

— Нужно просто быть рядом, Андрей. Для начала. Позвонить ей. Не читать нотации. Просто сказать, что мы любим ее. И что справимся.

Он взял телефон, посмотрел на него, потом на меня.

— Ты... ты позвонишь со мной?

Это была не просьба о поддержке. Это было признание, что он не справится один. Что наш родительский долг требует от нас кооперации, независимо от состояния нашего брака.

— Да, — сказала я. — Позвоним вместе.

Мы сели на диван, плечом к плечу, чего не делали сто лет. Он набрал номер, включил громкую связь. Аня взяла трубку сразу, голос был полон ожидания удара.

— Папа...

— Анечка, слушай, — его голос дрогнул, но он взял себя в руки. — Мама все рассказала. Первое — мы любим тебя. Ничего не изменится. Второе — не бойся. Мы тут. Все ре-

шим. Третье... — он замолчал, ища слова. — Третье — поздравляю. Буду дедом. Странно, конечно. Но... поздравляю.

На том конце провода раздался новый, уже облегченный рыдающий смех.

— Спасибо, пап... Спасибо, мам. Я так боялась.

— Дурочка, — сказал я, и у меня тоже подступил ком к горлу. — Теперь будешь два раза бояться. За себя и за него. Или за нее. Это такая школа.

Мы проговорили еще минут двадцать. Обсудили практические шаги. Договорились о приезде. Когда положили трубку, в гостиной повисла новая тишина. Не враждебная. Не неловкая. Наполненная осознанием того, что жизнь, с ее безжалостной иронией, только что подкинула нам новую, общую и очень тяжелую ношу. И нам придется нести ее вместе. Хочешь ты того или нет.

Он первым нарушил молчание.

— Бабушка, — сказал он, глядя на меня. В его глазах было что-то вроде изумления. — Ты будешь бабушкой.

— А ты дедом, — парировала я. — С седыми висками и кривыми табуретками.

Он хмыкнул. И вдруг, неожиданно для нас обоих, мы рассмеялись. Коротко, нервно. Но это был смех. Общий. На грани истерики, но смех.

— Боже, — выдохнул он, откидываясь на спинку дивана. — Что за день.

— Да, — согласилась я. — Полку снес, внука узнал.

Неплохо.

Мы сидели рядом, и между нами больше не было тех сантиметров отчуждения. Было пространство, заполненное общим шоком, общей ответственностью и этим странным, новым чувством — мы все еще команда. Не в любви. Не в браке. Но в чем-то более древнем и прочном: в родительстве, которое теперь протянуло свои ветви в следующее поколение.

— Знаешь, — сказал он тихо, не глядя на меня. — Эта стена в спальне... Может, и правда покрасим ее в тот светлый цвет? Чтобы... чтобы было светлее. Для начала.

Я посмотрела на него. На этого уставшего, поседевшего мужчину, который только что стал дедом и пытается зашпаклевать дыры в стене и в душе.

— Да, — сказала я. — Покрасим. Для начала.

И впервые за много месяцев я почувствовала не тяжесть, а нечто вроде... предвкушения. Предвкушения не счастливого конца, а просто следующего дня. Дня, в котором будет новая стена, дочь с билетами на самолет и общая, пугающая и в то же время животворящая задача — встречать новую жизнь, пока наша собственная еще лежит в руинах.

Мы были подобны тем импрессионистам: наше полотно было испорчено, краски смешались в грязь. Но где-то там, впереди, был чистый холст. И мы, два немолодых, искалеченных художника, только что получили новый сюжет. Сложный, непредсказуемый, полный теней и света. И нам

предстояло решить, будем ли мы рисовать его порознь. Или попробуем вместе, пусть и неумело, пусть дрожащей рукой, нанести первые мазки.

Глава 9. Промежуточная станция

Решение Ани приехать повисло в воздухе как громоотвод, мгновенно перетянув на себя все напряжение. Наши личные развалины вдруг стали мелкими и неважными на фоне грядущего материнства двадцатитрехлетней девчонки. Мы стали общаться короткими, деловыми фразами, как сотрудники на аварийной стройке.

— Я заказал ей билеты на следующую пятницу, — сказал Андрей за завтраком в среду, не отрываясь от экрана планшета.

— Хорошо. Я освобожу комнату Игоря, там нужно поменять постельное белье.

— Я заеду в ИКЕА, куплю ту прикроватную тумбу, на которую она жаловалась в прошлый раз. Та шаталась.

— Договорилась с Юлькой, она свяжется со своим гинекологом, лучшим в городе. Нужно будет Анечку сразу обследовать.

Мы действовали слаженно, эффективно. Это был хорошо отлаженный механизм кризисного управления, ржавый от неиспользования, но все еще работающий. Я ловила себя на том, что иногда, обсуждая детали, я смотрю на него и не вижу Леру, не вижу предателя. Вижу отца моих детей. Союзника. И это было почти страшнее ненависти. Потому что привычно. Потому что удобно.

В четверг утром, когда он уехал в офис на одну из последних своих «передач дел», ко мне в дом ворвался новый ураган. Игорь. Сын. Без предупреждения, с огромным рюкзаком и лицом, на котором бушевала буря обид двадцатилетнего мужчины, который только что узнал, что его младшая сестра беременна, а родители, оказывается, живут в разных комнатах, и вообще «что здесь происходит?».

Он ввалился в прихожую, скинул ботинки так, что они отлетели к стене, и уставился на меня, скрестив руки на груди.

— Привет, мам. Весело у вас тут.

— Игорь, — попыталась я взять под контроль ситуацию.

— Ты почему не предупредил? Я бы...

— Что? Приготовила бы легенду? — перебил он. Его голос был холодным, как лед. — Аня все рассказала. И про свою историю, и про то, что у вас тут... — он махнул рукой вокруг, — апокалипсис какой-то. Почему я узнал это последним? Почему мне никто ничего не сказал?

Он был прав. Мы с Андреем так увязли в собственном болоте, что забыли о сыне. О том, что у него тоже есть право знать, что его семья трещит по швам.

— Извини, — сказала я просто, без оправданий. — У нас были другие заботы.

— Да? Какие? Папашу от какой-то хипстерши отваживали? — язвительно спросил он. Слово «хипстерша» прозвучало так ядовито и точно, что я вздрогнула. Аня, видимо, не стала вдаваться в детали, но суть уловила.

— Игорь, не надо так.

— А как надо? — он подошел ближе, и я увидела в его глазах не злость, а боль. Ту самую, детскую боль от того, что опора мира рушится. — Вы что, разводитесь?

— Не знаю, — честно ответила я.

— Боже, — он прошелся по гостиной, останавливаясь перед шкапушкой и табуреткой. — Что это? Поделки в детский сад? Это теперь символы вашей... вашей чего?

— Нашей попытки, — раздался голос из дверного проема.

Мы обернулись. Андрей стоял на пороге, с сумкой из «Оби» в руках. Он выглядел уставшим, но собранным. Видимо, слышал голос сына с порога.

— Пап, — Игорь кивнул ему без эмоций. — Поздравляю. И с внуком, и с новыми хобби.

— Хватит, — тихо, но так, что мороз пробежал по коже, сказал Андрей. Он бросил сумку на пол и прошел в центр комнаты. — Ты имеешь право злиться. Имеешь право на вопросы. Но ты не имеешь права хамить матери. И не имеешь права насмехаться над тем, чего не понимаешь.

Они стояли друг напротив друга, два мужчины, почти одного роста. Игорь — молодой, взрывной, с обидой, вырвавшейся наружу. Андрей — постаревший, просевший, но в его позе была какая-то новая, обретенная тяжесть.

— А что тут понимать? — голос Игоря дрогнул. — Вы все сломали. Все, что было. Нашу семью. Ради чего? Ради каких-то дурацких ощущений в пятьдесят лет?

Андрей вздохнул. Он посмотрел на меня, как бы ища поддержки или разрешения. Я молча кивнула.

— Ради того, чтобы не задохнуться, — сказал Андрей, обращаясь к сыну. — И да, я выбрал для этого самый идиотский, самый подлый путь. И чуть не потерял все. Не «все» в смысле квартиру и дачу. А вас. Маму. Себя. Я уже почти потерял. И теперь, — он показал рукой на табуретку, на шкапу, — теперь я пытаюсь собрать осколки. Криво, уродливо, как получается. Но я пытаюсь.

Игорь молчал, сжимая кулаки.

— А ты, — продолжал Андрей, — ты имеешь полное право сказать, что твой отец — сволочь. И не разговаривать со мной. Но не имеешь права делать больно матери. Она через что прошла... — его голос сорвался. — Ты даже представить не можешь. И при этом она здесь. Она не сбежала. Она дает мне шанс, которого я не заслуживаю. И пытается спасти то, что еще можно спасти. Включая твоё отношение ко мне.

Комната замерла. Игорь смотрел то на отца, то на меня. Его гнев таял, обнажая растерянность.

— Я просто... я не понимаю, как так можно, — выдохнул он.

— И я не понимал, — сказал Андрей. — Пока не оказался по ту сторону. Это не оправдание. Это диагноз. Я болен эгоизмом и трусостью. И лечусь. Медленно.

Он подошел к Игорю, остановился в шаге.

— Прости, что втянул тебя в этот ужас. Прости, что под-

вел. Как отец. Как муж. Ты можешь меня презирать. Но, пожалуйста, не отдаляйся от мамы. И помоги сестре. Ей сейчас в тысячу раз страшнее, чем нам всем.

Игорь опустил голову. Плечи его ссутулились. Когда он снова поднял глаза, в них стояли слезы.

— Черт, — прошептал он. — Черт возьми.

Он не бросился в объятия к отцу. Не простил. Он просто рухнул на диван, закрыл лицо руками. Андрей тяжело опустился рядом, но не касаясь его. Я стояла, прислонившись к косяку, и чувствовала, как во мне борются мать и жена. Мать победила. Я подошла, села с другой стороны от Игоря, обняла его за плечи. Он не отстранился.

— Все будет сложно, — сказала я в тишину, нарушаемую только его сдавленными рыданиями. — И с Аней, и с нами. Но мы остаемся семьей. Какой-никакой. И будем пробиваться. Вместе.

В этот момент мобильный Андрея, лежавший на столе, завибрировал. На экране горело имя: «Лера». Он вздрогнул, как от удара током. Игорь поднял голову, увидел экран. Его лицо исказилось гримасой брезгливости и новой боли.

— Отключи, — тихо сказал я.

Андрей схватил телефон, не глядя, отклонил вызов и тут же выключил аппарат. Движения были резкими, почти паническими.

— Она... она иногда звонит. Последнее время реже. Я не беру.

— А почему не заблокировал? — спросил Игорь, и в его голосе снова зазвучали стальные нотки.

— Не знаю. Как будто... будильник. Напоминание о том, кем я был. Чтобы не забывать.

Игорь что-то хотел сказать, но сдержался. Он встал, прошелся по комнате.

— Ладно. Что сделано, то сделано. Когда Аня приезжает?

— В пятницу, — ответила я.

— Окей. Я остаюсь. До ее приезда как минимум. Помогу тут что ли... — он мотнул головой в сторону сумки из «Оби». — Тумбу эту собрать.

Это был не белый флаг. Это было временное перемирие. Принятие факта катастрофы и необходимость совместных действий в ее эпицентре.

Вечер мы провели втроем, собирая тумбу. Игорь, с его инженерным образованием, руководил процессом. Андрей, с непривычки, путался в инструкции и несколько раз ронял винты. Я подносила инструменты, держала детали. Было неловко, напряженно, но было и что-то... живое. Мы что-то делали вместе. Не для себя. Для Ани. Для будущего внука.

Поздно ночью, когда Игорь ушел в свою старую комнату, а мы с Андреем остались одни среди упаковочного мусора и запаха нового ДСП, он сказал:

— Спасибо. За то, что не дала ему разнести меня в клочья.

— Он имеет право, — сказала я.

— Знаю. И он прав насчет блокировки. Сейчас сделаю.

Он достал телефон, включил его. На экране было несколько уведомлений о пропущенных вызовах и одно сообщение от того же номера. Он открыл его. Лицо его стало каменным. Потом он протянул телефон мне.

Сообщение было коротким: «Андрей, я уезжаю. В Индию, в ашрам. На неопределенный срок. Это не жест. Это необходимость. Я поняла, что искала покой не в другом человеке, а в бегстве от себя. Прости за всю боль. И прощай. Л.»

Я прочитала, вернула телефон. В душе не было ни злорадства, ни облегчения. Была только усталость. Она тоже сбегала. Но в отличие от нас, у нее не было детей, которые врываются в дом с болью в глазах. У нее была только ее красивая, одинокая тоска, которую она теперь понесла к подножию Гималаев.

— Что будешь делать? — спросила я.

— Ничего, — он заблокировал номер, удалил сообщение.

— Ее путь. Наш — здесь.

Он посмотрел на собранную тумбу, на пластиковые пакеты с мусором, на меня.

— Завтра придет Аня. Надо будет встречать.

— Да. И ей не нужно знать про это сообщение. Никогда.

— Конечно.

Мы разобрали мусор, помолчав. Потом он неловко сказал:

— Я, наверное, пойду спать. Тебе... может, вернуться в спальню? Хотя бы потому, что Игорь здесь, и он не должен

видеть...

Он не договорил. «Что мы в разных комнатах». Он хотел сохранить лицо перед сыном. Это был не романтический порыв. Это была прагматика.

Я подумала о стене, которую нам предстояло красить. О дочери, которой нужна была крепкая, а не треснувшая опора. О внуке, который уже существовал где-то там, во чреве моей девочки.

— Хорошо, — сказала я. — Я вернусь. Но это ничего не значит.

— Я знаю, — он кивнул. — Это просто... промежуточная станция.

Так и получилось. Я принесла свои вещи из гостевой. Мы легли на свою сторону кровати, повернувшись спиной друг к другу, как делали это последние годы. Но между нами теперь не лежала невидимая Лера. Лежала реальная, тяжелая ответственность. Общая беда, которая, как ни парадоксально, сшивала наши миры грубыми, но прочными нитями.

Перед сном я услышала, как он шепчет в темноту:

— Марин?

— М-м?

— Спасибо, что вернулась. Хотя бы на эту станцию.

Я не ответила. Но и не отвернулась дальше. Я лежала и смотрела в потолок, чувствуя тепло его тела в сантиметре от моей спины. Враждебное, чужое, но знакомое тепло.

Мы не помирились. Мы не начали все сначала. Мы просто

сошли с поля боя и отступили на нейтральную территорию, окопавшись в одном окопе под названием «семья». Потому что надвигалась новая буря, и укрываться от нее поодиночке было бы безумием.

А завтра нужно было ехать в аэропорт. Встречать нашу девочку. Нашу беременную, испуганную девочку, которая везла с собой не просто новость, а целый новый мир, готовый обрушиться на наши хрупкие, покалеченные жизни. И встречать его нам предстояло вместе.

Глава 10. Лоскутное одеяло

Встречать Аню в аэропорт поехали втроем: я, Андрей и Игорь. Мы стояли у барьера в «Шереметьево», и напряжение между нами было почти осязаемым, как запах антисептика. Игорь, насупившись, смотрел на табло. Андрей нервно тербил ключи от машины. Я же вглядывалась в поток людей, ища знакомое лицо.

И вот она. Не та беззаботная девчонка с селфи из пражских баров, а какая-то... собранная. Хрупкая, но с прямой спиной. В свободном свитере, джинсах, с маленьким рюкзаком. Увидев нас, она замедлила шаг, и на ее лице мелькнула тень страха. Не перед нами. Перед тем, что ее ждет.

«Мама!» — ее крик прозвучал над толпой, и она почти побежала, бросив чемодан. Я обняла ее, чувствуя под свитером еще незаметную, но уже существующую выпуклость. Она пахла самолетом, дешевым кофе и детским страхом.

— Все хорошо, все хорошо, — бормотала я, как когда-то, утешая ее после школьных слез.

Потом она обняла Игоря, который, к моему удивлению, сжал ее в объятиях и что-то тихо сказал на ухо. Она кивнула, утирая глаза.

И наконец подошла к отцу. Андрей стоял, не двигаясь. Он смотрел на дочь, и в его глазах была такая смесь вины, боли и нежности, что у меня снова сжалось сердце.

— Пап...

Он не сказал ни слова. Просто шагнул вперед и обнял ее так крепко, как будто хотел защитить от всего мира раз и навсегда. Она уткнулась лицом в его плечо, и ее плечи задрожали.

— Прости, — услышала я его хриплый шепот. — Прости меня, дочка. За все.

Обратная дорога в город прошла под аккомпанемент дежурных вопросов. Как полет? Как Милан? Как самочувствие? Мы говорили о погоде, о дорожных работах, о чем угодно, только не о главном. Главное висело в воздухе задыхающимся комом.

Дома Аня остановилась на пороге своей старой комнаты, где теперь стояла новая тумбочка. Она тронула ее пальцем.

— Это вы... вместе собрали?

— Да, — сказал Игорь. — Папа чуть все не просрал, но я вовремя вмешался.

Андрей хмыкнул, не отрицая. В этом простом «мы» было что-то целительное.

Вечером за ужином — я наготовила всего, как на праздник, — напряжение наконец лопнуло. Аня отложила вилку и посмотрела на нас по очереди.

— Так. Все здесь. И все в курсе. Давайте поговорим. Обо всем. Без криков, пожалуйста.

Она была похожа на юного, но беспощадного следователя.

Мы замерли.

— Мам, пап. Вы... что, разводитесь?

— Мы не знаем, — честно сказала я. — Сейчас у нас другие приоритеты. Ты.

— Не надо меня в это вплетать, — резко парировала она. — Я не хочу быть причиной, по которой вы будете мучить друг друга в одной квартире. Если вы решили расстаться — расставайтесь. Я справлюсь.

— Это не из-за тебя, — вступил Андрей. Его голос был тихим, но твердым. — Это... промежуточное состояние. Мы разрушили слишком много. И прежде, чем решить, строить ли что-то новое или разойтись, нужно... нужно хотя бы разгрести завалы. Вместе. Потому что завалы — общие. И они касаются не только нас двоих.

Он посмотрел на Игоря, потом на Аню.

— Я накосячил. Глупо, подло, безответственно. И я должен это исправить. Не для того, чтобы вернуть все как было. Это невозможно. Но чтобы... чтобы вы, мои дети, не стыдились меня до конца своих дней. И чтобы ваша мама, если захочет, смогла смотреть на меня без отвращения. Это займет время. Много времени. И твоя ситуация, Аня... она не причина нашей паузы. Она... контекст. Который делает все остальное еще важнее.

Аня слушала, широко раскрыв глаза. Возможно, она впервые видела отца таким — сломленным, но не сдающимся. Без красивых слов, без оправданий.

— А... а она? Та... женщина? — спросила она осторожно.

— Уехала, — коротко сказал Андрей. — Навсегда. Это не имеет значения. Проблема была не в ней. Во мне.

Наступила тишина. Потом Игорь, ковыряя еду вилкой, произнес:

— Ладно, докину свою пять копеек. Меня все это бесит. Бесит дико. Но... — он взглянул на отца, — но табуретку он сделал паршивую, а тумбу собрать помог. И на звонок той... не ответил при нас. Так что... я пока в режиме наблюдения. Без санкций, но и без доверия. А тебе, сестра, — он повернулся к Ане, — надо к врачу. Завтра же. И решать, что делать дальше. Сидеть и реветь — не вариант.

Это был его, игоревский, способ показать заботу: грубый, рациональный, но искренний. Аня улыбнулась сквозь слезы.

— Да, командир.

Так начались наши новые будни — странные, лоскутные. Мы жили под одной крышей, но наша семья напоминала одеяло, сшитое наспех из разнородных кусков: старых обид, новой боли, вынужденного перемирия и ростков какой-то горькой, общей ответственности.

На следующий день был визит к гинекологу, рекомендованному Юлькой. Я поехала с Аней. Андрей хотел было присоединиться, но я его остановила: «Пока рано. Давай по одному фронту». Он кивнул, поняв. Его фронтом оставался Игорь и стена в спальне, которую он в тот день зашпаклевал.

Врач, опытная, немолодая женщина с умными глазами,

осмотрела Аню, сделала УЗИ. Потом усадила нас в кабинете.

— Все в порядке. Срок — тринадцать недель. Развивается хорошо. Но, девочка моя, — она посмотрела прямо на Аню, — у тебя анемия. И нервная система на нуле. Так нельзя. Ребенку нужен покой и железо. А тебе — решение. Работать? Учиться? Остаться здесь? Возвращаться к отцу ребенка?

Аня сжала мою руку так, что кости хрустнули.

— Я... я не знаю. Мы с Миланом... мы говорили. Он хочет, чтобы я вернулась. Говорит, женится, будет обеспечивать. Но он... он сам еще студент. А я...

— А ты боишься стать обузой, — заключила врач. — И боишься остаться здесь, чувствуя, что сбежала. Знакомая дилемма.

Она выписала кучу препаратов, дала направление на анализы и велела приходить через две недели. «И возьми себя в руки, мама, — сказала она мне на прощание. — Ваша паника ей не нужна. Нужна твердая рука и горячая еда».

Мы ехали домой молча. Потом Аня сказала:

— Мам, я, кажется, хочу остаться. Ненадолго. Месяц-два. Пока не пройдет этот токсикоз и не станет полегче на душе. А там... решим. Можно?

— Конечно, можно, — я прижала ее голову к своему плечу. — Это твой дом.

Дом. Слово обрело новый, странный смысл. Это уже не была крепость. Это была ремонтируемая после землетрясения постройка, где временно поселились четыре травмиро-

ванных человека и один пока не рожденный.

Тем же вечером мы, все четверо, сели за стол. Не праздничный, а обычный кухонный. Я поставила перед Аней тарелку с котлетой и гречкой — «для железа». Андрей разлил всем чай. Игорь достал ноутбук.

— Так, — сказал он. — Давайте по-военному. Проблема номер один: жилье. Аня остается здесь. Вопросов нет. Проблема номер два: деньги. Аня не работает. Папа скоро без работы. Мама работает. Я работаю. Я могу скидывать. — Он посмотрел на отца. — Ты сколько сбережений «на год» насчитал?

Андрей назвал цифру. Реальную, без прикрас.

— Окей, — Игорь что-то записал. — На полгода скромной жизни хватит. Но надо искать новый доход. Папа, что по поводу мебели?

— Есть пара заказов через знакомых из мастерской. Простые столы. Но это копейки.

— Начинать с чего-то надо. Проблема номер три: юридическая. Аня, ты в России. Ребенок родится здесь. Нужно думать про документы, про отцовство Милана. Это я беру на себя, разберусь.

Я смотрела на сына, который с холодной, почти военной эффективностью брал на себя управление хаосом, и чувствовала смесь гордости и щемящей грусти. Он стал взрослым. Не потому что захотел, а потому что должен был.

— А четвертая проблема? — тихо спросила Аня.

— Четвертая, — Игорь закрыл ноутбук, — это вы. Родители. Вы — не проблема, вы — фон. Но от вашего фона зависит общее настроение картины. Поэтому предлагаю правила. Первое: никаких выяснений отношений при Ане. Второе: если не можете говорить друг с другом — говорите через меня. Третье: раз в неделю — семейный ужин. Как сейчас. Чтобы все были в курсе дел. Без упреков. По делу. Договорились?

Мы переглянулись с Андреем. Это было унижительно. Нас, родителей, ставили в рамки нашим же сыном. Но это было и справедливо.

— Договорились, — сказал я.

— Да, — кивнул Андрей.

Так мы и зажили. По правилам Игоря. Лоскутное одеяло нашей жизни теперь стягивали не любовь и общие мечты, а свод законов военного времени. И, как это ни парадоксально, это работало.

Аня понемногу отходила от шока. Она много спала, ела мои котлеты, смотрела глупые сериалы. Иногда плакала без причины. Иногда смеялась над шуткой Игоря. Андрей утром уходил в мастерскую, возвращался вечером, пахнувший деревом и лаком. Иногда приносил эскизы — простые, лаконичные полки, скамейки. Я смотрела на них профессиональным взглядом и делала замечания. Он слушал, кивал, исправлял.

Как-то раз, через неделю после приезда Ани, я зашла в спальню за книгой. Андрей стоял перед зашпаклеванной сте-

ной с банкой краски и валиком в руках. Он смотрел на стену с таким сосредоточенным видом, будто от его действий зависела судьба вселенной.

— Нужна помощь? — спросила я.

Он вздрогнул.

— Я... я не уверен, что смогу ровно. Глаза, знаешь ли, уже не те.

— Дай сюда, — я взяла у него валик. — Поддержи лестницу.

Мы покрасили стену вместе. Молча. В тот самый светлый, почти белый цвет с серым подтоном. Когда закончили, комната действительно стала светлее. Пустая, голая стена смотрелась не как рана, а как обещание. Как чистый холст.

— Спасибо, — сказал он, отмывая кисти в ванной. — Без тебя я бы все испачкал.

— Не за что.

Я вышла, оставив его одного. Но в тот вечер, когда мы легли спать (все так же, спиной к спине), я не сразу отвернулась к стене. Я лежала, глядя в темноту, и чувствовала, как наша новая, светлая стена дышит где-то рядом. И где-то в доме спит наша беременная дочь. А в соседней комнате — наш сын, который взял на себя роль главного по разгребанию завалов.

Мы не стали семьей в прежнем смысле. Мы стали экипажем полуразбитого корабля, который штормит в непогоду. У каждого своя задача. У Андрея — не уронить самоуважение

окончательно и научиться держать инструмент. У меня — быть твердой опорой для детей. У Игоря — рулить в бурю. У Ани — просто выжить и дать жизнь другому.

И пока корабль не разваливается, пока он плывет, пусть и с пробоинами, — значит, есть шанс доплыть до какого-нибудь берега. Пусть даже до незнакомого. Пусть даже до того, где нам придется высаживаться порознь. Но сейчас, в этой зыбкой, неуютной, лоскутной реальности, мы были вместе. И этого, как ни странно, пока что хватало.

Перед сном я услышала, как он шепчет:

— Марин?

— Да?

— Завтра... завтра поедем выбирать те графические работы? Для стены?

Я улыбнулась в темноту. Он держался за наш «проект» как за спасательный круг.

— Да, — сказала я. — Поедем.

И впервые за много месяцев мысль о совместной поездке не вызвала у меня ни отторжения, ни страха. Только легкую, усталую готовность выполнить еще один пункт из плана по выживанию. План, который мы писали вместе, на ходу, чернилами из собственной боли и чернилами из чернил обычной, бытовой краски.

Глава 11. География тишины

Выбор графических работ затянулся. Мы бродили по галерее современного искусства, и я чувствовала себя так, будто мы не супруги, подбирающие декор, а два неловких студента на первом свидании. Он нервничал, сомневался, спрашивал мое мнение по каждому абстрактному мазку. Я отвечала сдержанно, профессионально. В итоге остановились на трех небольших офортах с изображением ускользающих, как дым, городских пейзажей. Что-то среднее между реальностью и сном. Они были легкими, не давящими, как я и хотела.

Когда мы вешали их на свежеекрашенную стену, наши руки иногда соприкасались. Он отдергивал свою, как от огня. Я делала вид, что не замечаю. Получилось хорошо. Светлая стена, темные тонкие рамки, призрачные изображения. Комната преобразилась. Она больше не была склепом наших несбывшихся надежд. Она стала... нейтральной территорией. Местом возможного перемирия.

Аня постепенно оживала. Она записалась на курсы для беременных, ходила с подругами на фильмы, часами говорила по скайпу с Миланом. Мы слышали ее смех из-за двери, и этот звук был как бальзам. Игорь же вернулся в Москву, к своей работе, но звонил каждый день, строго и по делу: «Как анализы? Папа, нашел заказы? Мам, не перегружай себя».

Он стал нашим внешним управляющим, и мы, как покорные подданные, отчитывались перед ним.

Андрей действительно нашел несколько заказов. Небольших, но стабильных. Он работал в мастерской допоздна, возвращался усталый, с мозолями на руках, но с каким-то новым, тихим достоинством в глазах. Однажды он принес домой фотографию своего первого «серьезного» стола — простого, дубового, с красивой текстурой дерева. Поставил ее на каминную полку рядом со шкатулкой.

Жизнь вошла в колею. Не счастливую, не семейную в привычном смысле, но предсказуемую. И в этой предсказуемости таилась новая опасность — опасность привычки. Опасность того, что мы так и останемся вежливыми соседями по квартире, связанными лишь общими детьми и общим прошлым, которое теперь напоминало не сокровище, а минное поле, по которому мы научились ходить, запомнив безопасные тропинки.

Все изменилось в одну дождливую среду. У Ани были планы с подружкой, но та заболела. Весь день дочь ходила по дому мрачная и раздраженная, огрызалась по пустякам, потом расплакалась в своей комнате, жалуясь, что толстеет, что ей страшно, что Милан далеко. Я утешала ее как могла, но понимала: это не просто капризы. Это буря гормонов и накопившегося страха.

К вечеру она успокоилась и уснула рано. Я сидела в гостиной с ноутбуком, дописывая отчет. Андрей вернулся позд-

но, мокрый от дождя. Он молча прошел наверх, переоделся, спустился и сел в свое кресло с книгой. Тишина в доме была густой, насыщенной невысказанным.

И вдруг сверху донесся крик. Пронзительный, полный ужаса. Анин. Мы бросились наверх одновременно, столкнувшись в дверном проеме ее комнаты. Она сидела на кровати, вся дрожа, лицо залито слезами.

— Мне приснилось... что я его теряю. Что он... не двигается. Ой, мама...

Я села рядом, обняла ее. Андрей стоял в дверях, беспомощный, бледный.

— Это просто сон, детка, просто сон, — бормотала я, глядя ее по волосам. — Все хорошо. Он толкается? Чувствуешь?

— Да... да, вроде, — она всхлипнула, прижимая руку к животу. — Но так страшно...

Мы просидели с ней почти час, пока она не успокоилась и снова не заснула, крепко вцепившись в мою руку. Когда ее дыхание выровнялось, я осторожно высвободилась и вышла в коридор. Андрей стоял там, прислонившись к стене.

— Как она? — прошептал он.

— Заснула. Это нормально. Страхи. Гормоны.

— Боже, — он провел рукой по лицу. — Я чувствую себя таким... бесполезным. Не могу защитить. Ни ее. Ни тебя тогда. Никого.

В его голосе звучала та самая, знакомая горечь саморазру-

шения. Но сейчас она не вызвала во мне раздражения, только усталую жалость.

— Иди спать, Андрей. Завтра новый день.

Он кивнул, но не двигался с места. Я пошла в спальню. Через несколько минут он вошел следом. Мы готовились ко сну молча, как два актера, исполняющих давно заученные роли. Он в ванной, я — у своего туалетного столика, снимая макияж. Я видела его отражение в зеркале: он смотрел на мою спину, потом отвернулся.

Когда я легла на свою сторону и выключила свет, я ожидала привычного поворота спиной и долгого лежания в темноте. Но он не повернулся. Он лежал на спине, и я чувствовала напряжение, исходящее от него.

— Марин, — его голос в темноте прозвучал хрипло. — Я... я не могу больше так.

Мое сердце упало. Вот оно. Он сдается. Говорит, что уйдет. Что этот фасад — слишком тяжел.

— Что ты хочешь? — спросила я, не оборачиваясь.

— Я хочу... прикоснуться к тебе. Не как муж. Не для секса. Просто... чтобы убедиться, что ты реальна. Что я еще не совсем потерял право на это.

Его слова были тихими, но они грохотали в тишине комнаты, как обвалы. Я замерла. Год назад, месяц назад даже, я бы вздрогнула от отвращения, отвернулась, сказала бы что-то резкое. Но сейчас... Сейчас я была просто усталой женщиной, чья дочь только что рыдала от страха, а сама она жи-

ла в доме-призраке, где даже прикосновения стали несанкционированными.

— Я не знаю, смогу ли я, — честно сказала я.

— Я тоже. Но я попрошу. Только руку. Только... чтобы почувствовать тепло.

Это была не просьба о страсти. Это была просьба о подтверждении существования. Его. Моего. Нашего все еще общего пространства.

Я не сказала да. Но и не сказала нет. Я просто медленно перевернулась на спину. Пространство между нашими телами, обычно непреодолимое, теперь казалось тонкой, дрожащей пленкой. Я почувствовала, как его рука, осторожная, неуверенная, движется по простыне. Кончики его пальцев коснулись моего запястья. Легко, как перо.

Электрический разряд боли и чего-то еще, забытого, пронзил меня от кончиков пальцев до самого сердца. Я задержала дыхание. Его пальцы не двигались, просто лежали на моей коже, горячие и живые. Мы оба лежали неподвижно, слушая гул крови в ушах и далекий шум дождя за окном.

Потом его пальцы медленно, миллиметр за миллиметром, сомкнулись вокруг моей ладони. Не сжимая. Просто держа. Как держат что-то хрупкое и безумно ценное, что вот-вот может рассыпаться в прах.

И в этот момент что-то во мне надломилось. Не стена ненависти. Что-то более хрупкое и более важное — лед отчуждения. Слезы, которых я не проливала ни при разобла-

чении, ни при сценах с детьми, хлынули из моих глаз горячими, беззвучными потоками. Они текли по вискам и впитывались в подушку. Я не всхлипывала. Я просто плакала. От всей накопившейся усталости, боли, страха за дочь, от одиночества, которое длилось не месяцы, а годы. И от этого простого, человеческого прикосновения, которого мне так не хватало, даже когда он спал рядом.

Он почувствовал, как дрожит моя рука. Услышал, наверное, мое прерывистое дыхание.

— Марин... прости. Я не хотел...

— Молчи, — выдохнула я сквозь слезы. — Просто... молчи.

И он замолчал. Но его рука не отпустила мою. Она оставалась там, якорь в бушующем море моих слез. Я не отнимала ее. Я позволила ему держать. Позволила себе быть слабой. Не перед ним. Перед самой собой.

Не знаю, сколько прошло времени. Слезы иссякли, оставив после себя пустоту и странное, щемящее облегчение, как после долгой болезни. Его пальцы начали осторожно двигаться, нежно поглаживая мою ладонь, тыльная сторона его руки касалась моей. Это был не сексуальный жест. Это было утешение. Признание. Молчаливое «я здесь». «Я вижу твою боль». «И моя — тут же».

Я перевернулась на бок, лицом к нему, не отпуская его руку. В темноте я едва различала черты его лица. Он тоже повернулся ко мне. Между нашими телами теперь было не

больше двадцати сантиметров. Мы дышали одним воздухом, слышали дыхание друг друга.

— Мне так страшно, — прошептала я, и это была чистейшая правда. — За нее. За нас. За все это шаткое... все, что мы построили и разломали.

— Я знаю, — его голос был глухим от сдерживаемых эмоций. — Я тоже. Каждый день. Но когда я держу в руках дерево, чувствую его текстуру, запах... когда я делаю что-то простое и настоящее... становится чуть легче. И когда я вижу, как ты с ней говоришь, как она успокаивается... я понимаю, что ты — самая сильная женщина, которую я знаю. И что я был слепым идиотом, променявшим эту силу на мираж.

Он говорил не для того, чтобы оправдаться. Он просто констатировал факт, который для него стал откровением.

— Я не сильная, — возразила я. — Я просто не имела права сломаться. Потому что они.

— Это и есть сила, Марин. Не героизм. Выносливость.

Его свободная рука поднялась, медленно, давая мне время отпрянуть, и коснулась моей щеки. Он смахнул след влаги от слез большим пальцем. Его прикосновение было таким нежным, таким бережным, что внутри меня все сжалось в тугую, болезненный комок. Не от отвращения. От жажды. Дикой, животной жажды простой человеческой ласки, которой я была лишена так долго.

Я закрыла глаза. Его пальцы скользнули по моей щеке, к виску, запутались в моих волосах. Он не тянул меня к себе.

Он просто касался, изучая, как будто заново открывая каждую черту.

— Можно? — он прошептал так тихо, что это было скорее движение губ, чем звук.

Я не ответила словами. Я сделала крошечный, почти незаметный кивок.

И тогда он поцеловал меня. Не страстно, не властно. Сначала это было просто прикосновение губ к моим губам. Робкое, вопрошающее. Как первый поцелуй у подростков. В нем не было привычки. Не было уверенности. Была только просьба и невероятная, всепоглощающая нежность.

И я ответила. Не сразу. Сначала мои губы оставались неподвижными. Потом они дрогнули и приоткрылись под давлением его. Это был не поцелуй примирения. Это был поцелуй узнавания. Узнавания в темноте того, кто был когда-то своим, потом стал чужим, а теперь... а теперь был просто здесь. Рядом. Теплый, живой, пахнувший дождем, деревом и слезами.

Поцелуй углубился сам собой. Руки его обняли меня, притянули ближе. Но не грубо. Как будто боялись, что я рассыплюсь. Мои руки сами нашли его плечи, его спину. Я впилась пальцами в ткань его футболки, чувствуя под ней знакомый рельеф лопаток, мышц, которые когда-то знала наизусть.

Мы целовались долго, в темноте, под шум дождя, как будто заново открывая для себя вкус и форму друг друга. Это было не похоже на наш привычный, механический «супру-

жеский» секс по субботам. Это было медленно, почти болезненно осознанно. Каждое прикосновение, каждый вздох имел вес. Мы снимали одежду не в порыве страсти, а с торжественной, почти ритуальной медлительностью, как будто снимали с себя не ткань, а слои старой боли, недоверия, льда.

Когда мы оказались обнаженными, он остановился, глядя на меня в полумраке. Я не пряталась. Я позволяла ему смотреть. На мое тело, на котором время и двое детей оставили свои следы. На новую, странную, уязвимую женщину, которой я стала.

— Ты красивая, — сказал он, и в его голосе не было лести. Было изумление. И грусть. — Я забыл, как ты красивая.

Он начал целовать меня не только в губы. Его губы скользили по шее, по ключицам, медленно, почти благоговейно опускались ниже. Его прикосновения были исследовательскими, полными вопросов. Он как будто спрашивал разрешения у каждой новой части меня. И я, затаив дыхание, давала его. Не словами. Дрожью кожи, тихим стоном, пальцами, вцепившимися в его волосы.

Когда он вошел в меня, мы оба замерли на секунду. Это было не просто физическое соединение. Это было возвращение в давно покинутый, но до боли знакомый дом. Дом, в котором теперь были выбиты окна и гулял ветер, но стены еще стояли. Боль от воспоминаний, от предательства, от всей этой грязи смешалась с острым, почти невыносимым физическим наслаждением. Я заплакала снова. Тихими, сдавлен-

ными рыданиями, от которых сотрясало все мое тело. Он не останавливался. Он просто прижимал меня крепче к себе, целовал мои слезы, шептал что-то бессвязное на ухо: «Прости... прости... я тут... я с тобой...»

Это был не секс. Это было изгнание демонов. Излияние всей накопленной боли, злости, тоски в одном, долгом, мучительном и прекрасном акте. Мы двигались медленно, синхронно, как будто заново учась этому древнему танцу. Каждое движение было наполнено смыслом, каждое касание — историей.

Когда волна накрыла меня, это было не просто оргазм. Это было освобождение. Слепящая вспышка, в которой на миг растворились все обиды, весь план мести, все расчеты. Осталась только чистая, животная правда двух тел, нашедших друг друга в темноте после долгой разлуки. Он последовал за мной почти сразу, с глухим, сдавленным стоном, в котором прозвучало и облегчение, и новая боль.

Мы лежали, сплетенные, не в силах расцепиться, слушая, как наши сердца колотятся в унисон, постепенно замедляя свой бешеный ритм. Дождь за окном стих, превратившись в тихий шелест. Его дыхание было горячим у моего уха.

— Я... я не ожидал, — прошептал он.

— Я тоже, — честно призналась я.

Мы не заснули в объятиях. Через какое-то время мы осторожно расцепились, каждый откатившись на свою сторону кровати. Но теперь между нами не было пропасти. Было теп-

лое, влажное пространство, насыщенное только что пережитым. Мы лежали на спине, глядя в потолок, и наши руки снова нашли друг друга под одеялом, сплетаясь пальцами.

Это не решило наших проблем. Не стерло прошлое. Не гарантировало счастливого будущего. Но это нарисовало новую, неизвестную ранее точку на карте наших отношений. Точку под названием «возможно». Возможно, не все потеряно. Возможно, из этого пепла можно вырастить не просто перемирие, а что-то новое. Хрупкое. Страшное. Но настоящее.

«Доброй ночи, Марин», — сказал он наконец, и в его голосе была непривычная мягкость.

«Спокойной ночи, Андрей», — ответила я.

И на этот раз эти слова значили нечто большее, чем просто ритуал. Они значили: «Я еще здесь». «И я тоже».

Глава 12. Предварительные итоги

Утро после. Я проснулась от того, что он лежал на боку и смотрел на меня. Не влюбленно, не страстно – изучающе. Как будто видел впервые. Свет раннего солнца падал из окна на его лицо, подчеркивая морщины у глаз, седину на висках. Он не был красавцем. Он был просто мужчиной. Моим мужчиной. Или тем, кто когда-то им был.

— Доброе утро, — прошептал он, не отводя взгляда.

— Доброе, — я прикрыла глаза, чувствуя странную неловкость. Ночная близость казалась сном наяву, ярким и нереальным. А сейчас были утро, дом, дочь за стеной и привычный груз обязанностей.

Он, словно прочитав мои мысли, осторожно протянул руку и тронул мои волосы, лежащие на подушке.

— Это... это было реально?

— Похоже на то, — я села на кровать, натягивая на себя халат. Тело ныло приятной, давно забытой усталостью. — Надо вставать. Аня просыпается.

Мы оделись в тишине, избегая друг друга взглядами, но не так, как раньше – от отвращения, а скорее от смущения. Как подростки после первой ночи. Абсурд в наши-то годы.

На кухне Аня уже сидела за столом, с кружкой чая. Она посмотрела на нас по очереди, и в ее глазах мелькнуло что-то понимающее, почти насмешливое.

— Привет, — сказала она. — Вы хорошо выглядите.

Мы с Андреем переглянулись, пойманы на месте преступления.

— Спасибо, — буркнул он, утыкаясь в холодильник. — Я... яйца буду. Кому еще?

Так начался день, который внешне ничем не отличался от предыдущих. Но внутри все перевернулось. Каждое случайное прикосновение у плиты, каждый встреченный взгляд наполнялись новым смыслом. Мы не говорили о ночи. Мы просто существовали в новом, еще не изученном поле, где гнев и равнодушие сменились хрупкой, обжигающей нежностью и такой же хрупкой надеждой.

Через два дня позвонил Игорь. Его голос в трубке был деловым.

— Так, отчет за неделю. Аня, как анализы?

— В норме, — ответила она, включив громкую связь, как того требовал «устав» Игоря. — Чувствую себя лучше.

— Папа, по заказам?

— Есть договоренность на три журнальных столика. Начал работу.

— Мама, у тебя все в порядке?

Я посмотрела на Андрея, который, притворяясь, что читает газету, внимательно слушал.

— Да, Игорь. Все... стабильно.

— Отлично, — в его голосе послышалась нотка удовлетворения. — Тогда слушайте новость. Я договорился. Милан

приезжает. Через неделю.

Тишина в кухне стала гулкой. Аня ахнула, схватившись за живот.

— Что? Как? Он же...

— Он закончил сессию досрочно. Говорит, не может там сидеть, когда ты здесь. Снимает комнату на месяц. Хочет быть рядом. И... сделать тебе предложение. Официально.

Андрей отложил газету. Его лицо стало непроницаемым.

— Он в курсе, в каких условиях ты живешь? — спросил он, глядя на Аню.

— В курсе, — сказал Игорь вместо нее. — Я ему все объяснил. Без прикрас. Он говорит, что это не меняет его решения. Что он хочет свою семью. И готов доказывать это делом.

— Надолго ли его хватит? — в голосе Андрея зазвучали старые, отцовские нотки скепсиса. — Двадцать три года, студент...

— Папа, — резко перебила Аня. — Тебе лучше не судить о долговечности чужих решений.

Удар пришелся точно в цель. Андрей вздрогнул, как от пощечины. Он кивнул, сдаваясь.

— Ты права. Извини. Когда прилетает?

— В пятницу, в шесть вечера, — ответил Игорь. — Я его встречу. Потом привезу сюда. Готовьтесь.

После звонка в кухне повисло тяжелое молчание. Аня первая его нарушила.

— Мам, пап... я не знаю, что сказать. Я рада. И боюсь.

И... мне стыдно, что вы будете это видеть. Этот цирк.

— Никакого цирка, — сказала я, обнимая ее за плечи. — Это твоя жизнь. И мы будем рядом. Как бы ни было сложно.

Но сложно было. Приезд Милана, этого красивого, длинноволосого чешского парня с неуверенной улыбкой, ввернул нас и без того шаткий мирок в новый виток хаоса. Он был мил, галантен, носил за Аней сумки, целовал ее в макушку, но в его глазах читалась паника дикого зверя, загнанного в клетку ответственности. Он нервничал в присутствии Андрея, который, несмотря на обещание не судить, не мог скрыть настороженности. Игорь же взял на себя роль переводчика и буфера между двумя мирами.

Мы устроили ужин в честь приезда. Неловкий, натянутый. Милан старался изо всех сил, рассказывал о Чехии, о своих планах найти работу здесь, удаленно. Андрей задавал короткие, конкретные вопросы о финансах, о жилье. Я видела, как Аня сжимает под столом руку Милана, и мне было ее жаль. И его тоже.

После ужина, когда Аня и Милан ушли гулять, а Игорь отбыл к себе, мы остались одни в кухне с грустью грязной посуды.

— Ничего не выйдет, — мрачно констатировал Андрей, наливая себе коньяк. — Он сбежит при первой же трудности.

— Может, и нет, — возразила я, моя тарелку. — Они молоды. У них есть шанс, который мы с тобой когда-то упустили.

— Какой? — он скептически поднял бровь.

— Шанс не молчать. Не копить. Шанс учиться на чужих ошибках. На наших.

Он задумался, вертя бокал в руках.

— Ты права. Надо дать им шанс. Но я не могу просто смотреть, как он ведет себя как мальчишка. Он должен понимать, что на кону.

— Он понимает. Иначе бы не приехал. Просто дай ему время стать мужчиной. Тебе ведь тоже дали время.

Это было рискованное сравнение. Он посмотрел на меня поверх бокала.

— И как? Я становлюсь?

Я вытерла руки, подошла к нему. Взяла бокал из его рук и поставила на стол. Потом взяла его руки в свои. Они были шершавыми от работы, с новыми мозолями.

— Ты делаешь мебель. Ты не сбежал. Ты здесь. И ты держишь мою руку. Это уже что-то.

Он притянул меня к себе, обнял, уткнулся лицом в мое плечо. В этом объятии не было страсти. Была усталость и благодарность.

— Спасибо, — прошептал он. — За этот шанс. Даже если я его не заслуживаю.

На следующее утро нас ждал новый сюрприз. Аня и Милан, сияющие, объявили за завтраком, что они только что подали заявление в ЗАГС.

— Мы решили не ждать, — сказала Аня, сверкая обру-

чальным кольцом на пальце. Милан, сидя рядом, кивал, сжимая ее руку. — Свадьба будет скромная. Только самые близкие. Через месяц.

Андрей замер с куском хлеба в руке. Потом медленно положил его на тарелку.

— Поздравляю, — сказал он, и в его голосе пробились неподдельная, отеческая теплота. Он встал, обошел стол и обнял Аню, потом пожал руку Милану. — Береги ее. И... добро пожаловать в семью.

Это «добро пожаловать» было больше, чем формальность. Это было признание. Принятие нового игрока на наше и без того переполненное поле. Милан, казалось, расправил плечи.

И вот теперь, помимо наших внутренних разборок, ремонта в спальне и столярных проектов, у нас в повестке дня появилась свадьба. Маленькая, но все же. Нужно было искать платье, думать о меню, о гостях (Юлька, конечно, несколько коллег, пара друзей Милана из Праги). Эта суета, как ни странно, пошла нам на пользу. У нас появилась общая, позитивная цель. Мы стали больше общаться, смеяться. Даже Игорь, приезжая, втянулся в обсуждение, отпуская саркастичные, но уже не злые комментарии.

Как-то вечером, выбирая с Аней ткани для платья в интернете, она неожиданно спросила:

— Мам, а вы с папой... вы теперь... вместе?

Я посмотрела на экран, где были развернуты образцы кру-

жева.

— Мы... в процессе, — ответила честно. — Не так, как раньше. По-другому.

— Это хорошо? — в ее глазах читалась надежда. Ей, наверное, так хотелось, чтобы у родителей был счастливый конец, чтобы ее собственная новая семья строилась на чем-то прочном и оптимистичном.

— Это... честно, — сказала я после паузы. — И, наверное, в нашем возрасте это лучше, чем «хорошо».

Она кивнула, будто поняла.

Тем временем наша собственная, непарадная жизнь тихо текла своим руслом. Ночью мы чаще спали в обнимку, не говоря об этом вслух. Утром он иногда целовал меня в шею, прежде чем встать. Мы ходили за продуктами вместе, выбирая сыр и фрукты, как когда-то. Это были крошечные, бытовые чудеса, которые затягивали раны лучше любых слов.

Однажды он принес из мастерской небольшой деревянный мобиль. Неуклюжие, вырезанные из фанеры фигурки: медвежонок, зайчик, птичка. Он повесил его над тем местом в гостиной, где обычно сидела Аня.

— Для внука, — смущенно пояснил он. — Чтобы привыкал. И чтобы Аня... чтобы ей было веселее.

Аня, увидев это, расплакалась. Но на этот раз — от счастья.

И вот настал день, когда Андрей наконец-то получил первый серьезный платеж за свои столы. Не огромные деньги, но первые честно заработанные им самим, без офисных игр

и лжи. Он пришел домой, размахивая чеком, как школьник пятёркой.

— Получил! Хватит на хороший подарок Ане на свадьбу. И... — он посмотрел на меня, — я хочу купить тебе что-то. Что ты сама выберешь. Что угодно.

Я смотрела на его сияющее, гордое лицо и понимала: ему важно не купить, а дать. Вернуть хоть толику того, что отнял. Не материального. А чувства защищенности, того, что он может быть опорой.

— Давай купим новое постельное белье, — сказала я просто. — То старое... с памятью. Давай заменим.

Он понял. Кивнул, и в его глазах блеснула благодарность.

— Да. Хорошая идея.

Вечером мы лежали на новом, хрустящем белье, пахнущем свежестью и чем-то новым. Стена с графикой смотрела на нас. Мобиль тихо позванивал от сквозняка.

— Марин, — сказал он в темноте. — Я подал документы. На регистрацию ИП. Маленькая мастерская. «Сомов и сын». Если Игорь не против.

Я перевернулась к нему, удивленная.

— Сын? Ты с Игорем говорил?

— Нет. Но... я надеюсь. Со временем. Это же не про сейчас. Это про будущее. Наше... возможное будущее.

Он говорил не о бизнесе. Он говорил о нас. О том, что впервые за долгое время позволяет себе заглядывать вперед дальше, чем на неделю.

— «Сомов и сын», — повторила я. — Звучит солидно.

— И честно, — добавил он. — На этот раз – честно.

Он обнял меня, и я прижалась к его груди, слушая стук его сердца. Оно билось ровно, уверенно. Как у человека, который нашел твердую почву под ногами. Пусть и на краю пропасти, но свою.

Мы еще не «все исправили». Лера, как призрак, иногда маячила в углу моей памяти. Страх, что он сорвется снова, сидел где-то глубоко. Неприятные разговоры с Игорем еще предстояли. Свадьба Ани обещала быть эмоциональной бурей. А там еще и роды, и внук, и миллион новых забот.

Но в этот момент, в тишине нашей обновленной спальни, под легкий звон фанерных зверей, завещанных будущему внуку, я чувствовала не боль и не тревогу. Я чувствовала усталость долгого пути и странное, осторожное предвкушение. Предвкушение не конца истории, а ее нового витка. Витка, в котором мы были уже не врагами и не соседями. А двумя людьми, которые, пройдя через ад предательства и ненависти, нашли в себе силы не разбежаться, а осторожно, с опаской, начать строить мост через ту самую пропасть. Не для того чтобы вернуть потерянный рай. А чтобы просто иметь возможность иногда переходить на другую сторону и брать друг друга за руку.

Глава 13. Бумажные птицы

Предсвадебная неделя превратила дом в мастерскую хаоса. Юлька, назначенная главным по декорациям, снова вошла в нашу жизнь, на этот раз с рулонами крафтовой бумаги, мотками бечевки и решительным блеском в глазах.

— Все, сидеть сложа руки не будем! — объявила она, раскатывая бумагу на кухонном столе. — Экономия бюджета, красота и душевность — наши три кита. Аня, садись, будешь вырезать птиц. Милан, тебе — гирлянды. Андрей, ты с деревом дружишь, сделай-ка нам рамку для фотозоны. Марин, ты за едой и общим настроением.

Мы переглянулись, покорные ее энергии. Даже Игорь, заскочивший на час, получил задание: «Найти в интернете недорогого, но душевного музыканта. Не диджея. Саксофониста или что-то в этом духе».

— Юль, мы же договорились на камерную свадьбу, — попыталась возразить я, наблюдая, как Милан с серьезным видом начинает сминать бумагу.

— Камерную — не значит унылую! — отрезала Юлька. — Десять гостей — это идеально. Можно каждому внимание уделить. А атмосфера должна быть волшебной. Чтобы внук потом по фото видел, как его родители любили друг друга.

Аня улыбнулась, проводя ножницами по бумаге. Из-под них выпорхнула неуклюжая, но милая птичка. Милан пой-

мал ее в воздухе, поцеловал и прилепил скотчем к шкафу. Этот простой, нежный жест заставил меня смахнуть внезапную слезу. Андрей, стоявший рядом с доской для рамки, посмотрел на меня и тихо улыбнулся.

За вечер мы, под руководством Юльки, создали целую стаю бумажных птиц и гирлянду из разноцветных флажков. Работали молча, но в воздухе витало что-то теплое, объединяющее. Даже Андрей и Милан, избегавшие до этого прямого общения, теперь обсуждали угол среза для рамки.

— Вот видишь, — шепнула мне Юлька, помогая нанизывать птичек на леску. — Ручной труд лечит. Им всем это нужно. И тебе тоже.

Она была права. В этом простом, почти детском творчестве была своя терапия. Мы не думали о прошлом, не гадали о будущем. Мы просто делали птиц. Для праздника нашей дочери.

На следующий день мы поехали с Аней выбирать платье. Не в бутики, а в ателье к портнихе, которую знала Юлька. Пожилая женщина с булавками в зубах, Анна Сергеевна, оглядела Аню взглядом профессионала.

— Фигура интересная. Животик еще маленький, можно обыграть. Что хотите?

— Что-то простое, — сказала Аня. — Не пышное. Чуть выше колена. Чтобы не париться.

— И чтобы дышало, — добавила я. — Ей должно быть комфортно.

— Комфорт — прежде всего, — кивнула Анна Сергеевна и принялась листать каталоги.

Пока Аня примеряла разные варианты, я сидела на стуле в примерочной и ловила ее отражение в зеркале. Она была так похожа на меня в ее возрасте. Та же линия подбородка, тот же взгляд, когда она сосредоточена. Но в ее глазах не было той уверенности, что была у меня. Был страх и огромная, всепоглощающая надежда.

— Мам, а как ты себя чувствовала перед своей свадьбой? — спросила она вдруг, вертясь перед зеркалом в платье-футляре из светлого шифона.

— Я была уверена, что знаю все, — честно ответила я. — Что любовь — это навсегда, что мы построим идеальную жизнь. И что главное — правильно все спланировать.

— И? — Аня остановилась, глядя на мое отражение.

— И я ошиблась. Насчет всего. Любовь — это не навсегда раз и навсегда данное чувство. Это работа. Иногда тяжелая, грязная, как та шпаклевка, которую мы с папой в стене замазывали. Идеальной жизни не бывает. А планы... планы имеют свойство лететь к черту, сталкиваясь с реальностью.

Аня сняла платье, села рядом со мной на пуфик.

— И как... как вы тогда? После всего? Как вы сейчас... вот так? — она сделала неловкий жест, означавший наше хрупкое перемирие, ночные разговоры, совместное изготовление птиц.

— Мы сдались, — сказала я, улыбаясь горько. — Сдались

факту, что мы уже не те люди, которые поженились двадцать пять лет назад. И что назад пути нет. И тогда у нас появился выбор: или разойтись, сметая с пути все, что было хорошего. Или... попробовать познакомиться заново. С этими новыми, побитыми жизнью людьми, в которых мы превратились.

— И вы выбрали второе.

— Пока что да. Но это не романтично, Анечка. Это больно. Это как ходить по битому стеклу. Каждый шаг — риск. Каждое слово нужно выверять, чтобы не задеть старую рану. Но... иногда, очень редко, среди этих осколков попадает что-то целое. Кусочек старого смеха. Воспоминание о том, как он держал тебя на руках, когда ты родилась. Запах его кожи после работы с деревом. И эти кусочки... они того стоят.

Аня молчала, обдумывая.

— А я... я не хочу ходить по стеклу. Я хочу... ковровую дорожку.

— Никто не хочет, детка. Но жизнь редко стелет ковровые дорожки. Чаще она разбрасывает стекло. И твой выбор — не в том, чтобы его избежать. А в том, в каких тапочках и с кем ты по нему пойдешь. И захочешь ли ты иногда останавливаться, чтобы перевязать порезы тому, кто идет рядом.

Дверь в примерочную приоткрылась, и в проеме показалась Анна Сергеевна с другим платьем.

— Ну что, надумали? А то у меня клиентка в четыре.

Аня взглянула на меня, потом на платье в руках портни-

хи. Оно было простым, из мягкого кружева, с легкой, струящейся юбкой.

— Давайте это, — решительно сказала она. — И... можно чуть расклешить от талии? Чтобы животику не тесно было.

— Умница, — одобрительно кивнула Анна Сергеевна. — Будет тебе и красиво, и комфортно.

Вечером того же дня мы устроили «совет» по меню. За столом собрались я, Андрей, Аня, Милан и, по видеосвязи, Игорь. Юлька настояла на своем присутствии, мотивируя это «непререкаемым авторитетом в вопросах фуршета».

— Итак, — начала я, открывая блокнот. — Гости — десять человек. Плюс мы. Алкоголь?

— Только шампанское и белое вино, — сразу сказала Аня. — Я же не буду пить. И чтобы никто не напивался.

— Согласен, — поддержал Милан. — Я тоже не буду много. Хочу все помнить.

— Сентименталы, — фыркнул Игорь с экрана ноутбука. — Ладно. Шампанское и два сорта белого вина я беру на себя. Знаю хорошего поставщика.

— Закуски? — спросил Андрей, и в его голосе я услышала нотки той самой, давней организованности, с которой он вел рабочие проекты. Мне это было даже приятно.

— Легкие, — сказала Юлька. — Канапе, тарталетки, мини-пирожки. Ничего тяжелого и жирного. Я дам рецепты, Марин, не бойся.

— А торт? — спросила Аня. — Маленький, но красивый.

— Торт будет, — заверил Андрей. — Я договорился с кондитером из мастерской. Девушка делает потрясающие капкейки и маленькие торты. Она сделает что-то эдакое. С птичками, раз уж мы их налепили.

Мы распределили обязанности. Я и Юлька — еда. Андрей и Милан — напитки и оформление (Милан, к всеобщему удивлению, оказался не лишен эстетического вкуса). Игорь — музыка и общая координация. Аня — главный консультант и лицо, принимающее окончательные решения.

Когда обсуждение подошло к концу и видеосвязь с Игорем прервалась, в кухне воцарилась усталая, но удовлетворенная тишина.

— Знаете, — сказал Милан на своем ломаном, но старательном русском. — У меня... нет такой семьи. Родители далеко, и они... не очень. А здесь... — он обвел взглядом нас всех, — здесь как будто все, даже когда ругаются или молчат... все равно вместе. Это красиво.

Андрей посмотрел на него, и в его взгляде не осталось и тени скепсиса.

— Семья — это не отсутствие проблем, Милан. Это наличие людей, которые остаются, когда проблемы приходят. Добро пожаловать в наш клуб.

Это была высшая форма признания. Милан покраснел и потупил взгляд. Аня сияла.

Позже, когда мы с Андреем мыли посуду, он сказал:

— Ты была права. Насчет шанса. Он... он старается. И он

любит ее. По-настоящему. Это видно.

— Да, — согласилась я. — А ты знаешь, о чем я с ней говорила сегодня?

— О чем?

— О битом стекле. И о тапочках.

Он на мгновение замер, потом медленно кивнул.

— Хорошая метафора. У нас, получается, тапочки дырявые. Но мы их не скидываем.

— Пока не скидываем, — поправила я.

Он вытер руки, повернулся ко мне, облокотившись о стойку.

— Марин, насчет свадьбы... Я хочу сказать речь. За них. Но я не знаю, смогу ли. Боюсь, что начну говорить и... вспомню все. И им будет неловко.

— Скажи то, что чувствуешь сейчас, — посоветовала я.

— Не о прошлом. О настоящем. О том, что видишь. И о надежде. Этого будет достаточно.

Он взял мою мокрую руку, поднес к губам, поцеловал в костяшки пальцев.

— Спасибо. За все. За то, что даешь мне шанс сказать эту речь. За то, что вообще еще здесь.

Мы стояли на кухне, среди запаха моющего средства и свежего дерева от рамки, прислоненной к стене, и в этот момент я поняла, что наша война закончилась. Не победой. Не поражением. Она просто выдохлась, уступив место чему-то более сложному и более реальному. Месту, где есть место

и бумажным птицам для дочери, и неумелым табуреткам, и ночным разговорам в темноте, и тихому страху, что все может рухнуть снова.

Но пока что мы были здесь. Вместе. И завтра нам предстояло вешать гирлянды и репетировать танец молодых. И это, как ни странно, было самым важным делом на свете. Важнее всех старых обид и всех будущих неопределенностей.

Глава 14. Отзвук

За два дня до свадьбы в доме воцарилась предпраздничная лихорадка. Юлька командовала расстановкой мебели в гостиной, чтобы освободить место для «зоны танцев». Игорь привез колонки и тестировал плейлист, составленный из нежных джазовых композиций и пары трогательных чешских песен, которые прислал Милан. Аня и Милан репетировали свой первый танец под смех и подсказки Юльки. Андрей с сосредоточенным видом собирал деревянную арку для фотозоны, сверяясь с чертежом на планшете.

Я стояла на кухне, разрезала ломтики лосося для канапе и чувствовала себя странно отстраненной от всей этой суеты. Как будто наблюдала за чужим праздником. Внезапно тихий смех Ани, такой похожий на ее детский смех, пронзил меня острой, сладкой болью. Вот оно. Ее счастье. Хрупкое, незрелое, но настоящее. А я стояла тут с ножом в руке, с душой, из которой, казалось, вынули все соки за последние полгода.

И тут я услышала. Из гостиной, поверх джазовой мелодии, полилась другая музыка. Тихая, акустическая, гитарная. Женский голос, нежный и глуховатый, пел на французском. Я замерла. Это была та самая песня. Тот самый альбом, который он слушал в тот вечер, когда я застала его в гостиной с ноутбуком. Альбом, о котором писала Лера.

Нож выскользнул у меня из пальцев и с глухим стуком

упал на разделочную доску. Я не двигалась, слушая, как знакомые, ненавистные ноты заполняют дом. Как они вплетаются в смех моей дочери, в стук молотка, в голос Юльки.

Я вышла из кухни. В дверном проеме гостиной я увидела его. Андрей стоял на коленях перед собранной наполовину аркой, но он не работал. Он замер, уставившись в пространство, и на его лице было то самое выражение, которое я видела на фото в кафе — смесь отрешенности и какой-то внутренней муки. Он не видел меня. Он был там. С ней. В том кафе, с бокалом вина, под эту музыку.

Игорь, заметив мою бледность, потянулся к ноутбуку.

— Па, что за депрессивщину ты нашел? Не пойдет. Выключи.

Он щелкнул мышкой, и музыка оборвалась. Наступила резкая тишина, в которой прозвучал только голос Ани:

— Что это было? Красиво, но грустно.

Андрей вздрогнул, как будто его резко разбудили. Его взгляд нашел меня в дверях. И я увидела в его глазах ужас. Ужас человека, пойманного на месте преступления.

— Это... это случайно, — пробормотал он, вставая. — Плейлист... он сам переключился.

— Да ладно, — фыркнул Игорь, не подозревая о буре, которую вызвал. — Алгоритмы те еще сволочи. Ставь лучше то, что я скинул.

Андрей кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Его глаза не отрывались от меня. Я развернулась и ушла обратно на

кухню. Руки дрожали. Я схватилась за край раковины, чтобы не упасть.

Через минуту он вошел. Дверь за ним тихо закрылась.

— Марин... — начал он.

— Не надо, — перебила я, не оборачиваясь. — Не надо объяснений. Я все поняла.

— Ты ничего не поняла! — в его голосе прорвалось отчаяние. — Это не то, что ты думаешь! Плейлист... он общий, облачный. Я не слушал его с... с тех пор. Он просто был в рекомендациях, Игорь случайно...

— Не важно, как он включился! — резко обернулась я. — Важно, что ты замер. Что ты улетел туда. В тот момент. Пока твоя дочь репетирует свадебный танец в соседней комнате!

Он побледнел.

— Да, замер. Потому что это... как вспышка. Как боль от старой раны, когда на нее нечаянно надавишь. Это не значит, что я хочу назад! Это значит, что рана еще есть!

— А когда она перестанет болеть, Андрей? Через год? Через пять? Каждый раз, когда заиграет французский шансон или запахнет сандалом, ты будешь так замирать? А я буду стоять и смотреть? — голос мой сорвался на крик, но я была не в силах остановиться. Вся боль, весь гнев, которые, казалось, уснули, проснулись с новой силой.

Он шагнул ко мне, схватил за плечи. Его пальцы впились в мою кожу.

— Слушай меня. Да, это больно. Да, я вспомнил. Но я

вспомнил не ее, Марин. Я вспомнил себя. Того идиота, который бежал от реальности в красивую сказку. И мне стало стыдно. До тошноты стыдно! Потому что я смотрю на нашу дочь, которая борется за свое маленькое счастье здесь и сейчас, а я в ее возрасте... я уже начинал врать. Себе. Тебе. Я вспомнил, с чего все началось. И это ужасно!

Он тряс меня, и в его глазах стояли слезы ярости и боли. Не к ней. К самому себе.

— Ты думаешь, мне приятно? Ты думаешь, я хочу, чтобы эти воспоминания всплывали? Они как грязь, Марин! Как грязь, которую невозможно отмыть до конца! И каждый раз, когда я думаю, что почти чист, находится еще один кусок!

Я вырвалась из его хватки, отступила к окну.

— И что? Что мне с этим делать? Жалеть тебя? Прощать снова и снова?

— Нет! — крикнул он. — Не прощать! Требуй! Делай со мной что хочешь! Кричи, бей, выгони из дома! Но не делай вид, что этой грязи нет! Потому что она есть. И она всегда будет частью меня. Частью нас.

Мы стояли, тяжело дыша, как два боксера после раунда. За дверью слышались голоса, смех, жизнь продолжалась. А здесь, на кухне, был ад. Старый, знакомый ад, в который мы снова провалились.

— Я не хочу так жить, — прошептала я. — В постоянной готовности к тому, что призрак твоей глупости встанет между нами.

— Я тоже не хочу, — его голос стал тихим, сломанным. — Но я не знаю, как его изгнать. Я пытаюсь. Каждый день. Работаю до изнеможения, чтобы упасть и не видеть снов. Строю эту проклятую арку, чтобы руки были заняты. Но он... он выскакивает, как черт из табакерки. От музыки. От запаха. От твоего взгляда, иногда, когда ты на меня смотришь и я вижу ту же боль.

Он подошел ближе, но не касаясь меня.

— И знаешь, что самое страшное? Что я благодарен этой боли. Потому, что когда ее нет, я начинаю забывать. Забывать, кем я был. А забывать этого нельзя. Никогда. Иначе... иначе я могу повторить.

Я смотрела на него, на этого изможденного, сидящего мужчину, который стоял передо мной, раздавленный грузом собственного предательства. И ненависть моя вдруг стала беспомощной. Бессмысленной. Что она меняла? Ничего. Она лишь сжигала меня изнутри.

— Аня не должна знать, — сказала я наконец, голос мой был чужим. — Никогда. Завтра ее свадьба. Она должна быть счастлива. Хотя бы один день.

— Конечно, — он кивнул. — Я... я уйду. На сегодня. В мастерскую. Чтобы... чтобы прийти в себя.

— Нет, — остановила я его. — Ты останешься. Ты будешь улыбаться, помогать, быть отцом. Ты будешь играть свою роль. Как и я. А потом... потом посмотрим.

Он сжал губы, кивнул. Это было хуже любой ссоры. Это

было холодное, деловое соглашение о перемирии на время праздника. Мы снова стали актерами. Но на этот раз не для него. Для нее. Для нашей девочки.

Я вернулась к канапе. Он вышел в гостиную. Через минуту я услышала стук молотка, но теперь он звучал жестко, яростно. Он вбивал гвозди, как будто хотел вбить в дерево собственную память.

Вечер прошел в призрачно-веселой суете. Мы улыбались, шутили, обсуждали детали. Но между нами лежала невидимая стена. Игорь что-то почуял, посматривал на нас настороженно, но промолчал. Аня была слишком поглощена своим счастьем, чтобы заметить.

Поздно ночью, когда дом наконец затих, я лежала в постели и смотрела в потолок. Он лежал рядом, не шевелясь, но я знала, что он не спит.

— Марин, — тихо сказал он. — Я не прошу прощения. Оно ничего не стоит. Но я хочу, чтобы ты знала. В тот момент, когда играла та музыка... я подумал не о ней. Я подумал: «Боже, как же я все испортил». И о том, какая же ты сильная. Что ты все это вынесла и даже дала мне шанс стоять здесь, в этом доме, и слушать, как смеется наша дочь.

Я не ответила. Что я могла сказать? Что его слова ранят? Что они напоминают мне о той силе, которой у меня больше не было? Что я устала быть сильной?

— Я не сильная, — прошептала я в темноту. — Я просто умею хорошо прятать трещины. Как та стена. Покрасили —

и вроде ничего. А внутри — все те же дыры от креплений.

Он перевернулся на бок, лицом ко мне. В свете уличного фонаря я видела блеск его глаз.

— Тогда давай не будем красить. Давай... давай попробуем заделать их вместе. По одной. Медленно. Без гарантий. И если какая-то трещина окажется слишком глубокой... мы хотя бы будем знать, что пытались.

Это было предложение не о любви. Не о возвращении в прошлое. Это было предложение о совместной реставрации. О долгой, кропотливой, возможно, безнадежной работе над развалинами.

— А если не получится? — спросила я.

— Тогда мы разойдемся. Но не как враги. Как... как два реставратора, которые поняли, что здание не подлежит восстановлению. С уважением к тому, что когда-то было. И к тому труду, что был вложен.

В его словах была горькая, взрослая мудрость, которой раньше в нем не было. Мудрость принятия. Принятия собственного несовершенства. И возможности окончательного провала.

Я протянула руку в темноте. Нашла его руку. Сжала.

— Ладно, — сказала я. — Попробуем. Заделывать. По одной трещине. Начиная с завтрашнего дня. А сегодня... сегодня просто спи.

Он притянул мою руку к груди, прижал ладонью. Его сердце билось часто, неровно.

— Спасибо, — прошептал он. — За этот шанс. Последний. Честное слово, последний.

Я не ответила. Я просто закрыла глаза, чувствуя под пальцами стук его сердца — того самого сердца, что когда-то билось так же для другой. Но сейчас оно билось здесь. Рядом. Разбитое, виноватое, но живое. И этого, как ни странно, в тот момент было достаточно, чтобы уснуть. Чтобы набраться сил на завтра. На свадьбу. На первую, самую болезненную трещину. На долгую и неизвестную реставрацию всего того, что мы когда-то называли любовью, а теперь боялись даже произносить это слово вслух.

Глава 15. Послевкусие

Утро свадьбы началось с паники. Аня, стоя перед зеркалом в своем белье, вдруг закричала, что платье не сходится на талии. Юлька, уже нарядная в ярко-синем платье, ворвалась в комнату и, покрутив Аню, фыркнула:

— Дурочка, ты его застегнула криво! Дыши глубже и не дергайся!

Андрей, уже полностью одетый в темно-серый костюм, который он не надевал с тех пор, как бросил офис, пытался наладить кофемашину, которая вдруг отказалась работать. Игорь, единственный лучик спокойствия, сидел в гостиной и проверял звук, бросая на нас всех насмешливые, но теплые взгляды.

Я стояла посередине этого хаоса в своем простом платье цвета шампанского и чувствовала странное спокойствие. Может, потому что после вчерашней бури сегодняшняя суета казалась мелкой и милой. Может, потому что я была слишком уставшей, чтобы паниковать.

— Всем прекратить! — сказала я негромко, но так, что все замолчали и посмотрели на меня. — Андрей, оставь кофемашину, свари турку. Юль, помоги Ане с платьем, я иду за нитками, если что. Милан, иди приляг на пять минут, глубоко дыши, ты зеленый. Игорь, будь добр, принеси из машины тот торт, который в холодильнике. И все успокоились. Сего-

дня самый важный день в жизни нашей дочери. И он будет прекрасным.

Мое спокойствие подействовало как удар хлыста. Все закивали и разбежались выполнять указания. Андрей встретился со мной взглядом, и в его глазах я прочла благодарность. Я кивнула ему. Перемирие продолжалось.

К назначенному часу все было, если не идеально, то вполне презентабельно. Арка стояла, украшенная нашей бумажной гирляндой и живыми цветами, которые в последний момент доставил Игорь. На столе красовались канапе, фрукты и тот самый маленький двухъярусный торт, украшенный сахарными птичками, точь-в-точь как наши бумажные. Музыкант, молодой саксофонист, настроил инструмент в углу.

Гости начали подходить. Коллега Ани из Праги, прилетевшая специально, две ее подруги из Москвы, пара друзей Милана, смущенных и улыбчивых. Юлька, конечно. И... Кирилл. Тот самый, с мастер-класса Леры. Он появился на пороге с бутылкой шампанского и легкой, неуловимой улыбкой.

— Простите, что без приглашения, — сказал он, обращаясь ко мне. — Игорь сказал, что тут собирается «интересное общество». Решил заглянуть, чтобы поздравить. И... пожелать удачи с реставрацией.

Он посмотрел на меня, и я поняла, что Игорь что-то ему сказал. Возможно, все. Я кивнула.

— Спасибо. Проходите.

Андрей, увидев Кирилла, нахмурился, но, заметив мою спокойную реакцию, лишь пожал ему руку. «Интересное общество» действительно собралось.

Церемония была не официальной, а символической. Ее проводила та самая подруга-коллега Ани, которая оказалась не только архитектором, но и обладательницей прекрасного голоса и умения говорить трогательные речи. Она говорила о любви как о самом смелом архитектурном проекте, о фундаменте доверия и о крыше из общих мечтаний. Аня и Милан стояли под аркой, держась за руки, и смотрели друг на друга так, будто вокруг никого нет.

Потом слово взял Андрей. Он вышел вперед, поправил галстук. Я видела, как дрожат его пальцы.

— Аня... дочка. Милан, — он кивнул ему. — Я не буду говорить общих слов о вечной любви. Потому что я знаю, что вечность строится не из слов. Она строится из тысяч маленьких решений, которые ты принимаешь каждый день. Решиться утром приготовить кофе, даже если не выспался. Решиться выслушать, даже если не хочется. Решиться извиниться, даже если гордость кричит «нет». Решиться простить, даже если больно. Я... я не всегда принимал правильные решения. И мне пришлось учиться этому заново. Слишком поздно, как мне казалось. Но ваша мама... она дала мне шанс учиться. — Он посмотрел на меня, и в его глазах стояли слезы. — И я смотрю на вас, и я верю, что вы будете мудрее. Что вы не будете копить обиды, как мы. Что вы научи-

тесь говорить. И слушать. Берегите то, что у вас есть сейчас. Этот момент. Этот смех. Этот взгляд. Потому что он... он хрупкий. И он бесценный. Будьте счастливы. Не «навсегда». Просто... будьте счастливы сегодня. А завтра... начнете заново.

Он замолчал, сглотнув комок в горле. В гостиной стояла тишина, нарушаемая лишь тихими всхлипываниями Юльки. Аня подошла к отцу, обняла его крепко и прошептала что-то на ухо. Он кивнул, улыбаясь сквозь слезы.

Потом был первый танец. Под ту самую чешскую мелодию, которую прислал Милан. Они кружились посреди гостиной, неуклюже, но с такой нежностью, что у меня снова сжалось сердце. Андрей подошел ко мне, протянул руку.

— Мадам, можно?

Я колебалась секунду, потом положила руку на его. Мы вышли на импровизированную танцплощадку. Не обнимаясь, как молодые. Просто держась за руки, совершая медленные, осторожные шаги. Музыка сменилась на старый, медленный джаз.

— Спасибо за речь, — тихо сказала я. — Она была идеальной.

— Она была честной, — ответил он. — Как и наш танец. Мы не притворяемся, что все забыли. Мы просто... танцуем, несмотря ни на что.

И мы танцевали. Пока саксофон выводил грустную-грустную мелодию, а бумажные птицы над нашими головами слег-

ка колыхались от сквозняка. Мы танцевали, глядя друг другу в глаза, и в этом взгляде было все: и боль вчерашнего скандала, и усталость, и та самая, крошечная надежда на реставрацию. Это был не танец любви. Это был танец перемирия. Тяжелый, неловкий, но невероятно важный.

Праздник длился недолго, часа три. Было вкусно, тепло, душевно. Кирилл оказался блестящим собеседником, разговаривал с Игорем о современном искусстве, с Миланом — о Праге, с Андреем — о дереве. Он был тем самым катализатором, который помог разрядить возможную напряженность. Когда гости начали расходиться, он подошел ко мне.

— Вы отлично справились. И как реставратор, и как мать.

— Пока держимся, — улыбнулась я.

— Держитесь. Вы интересный проект. Желаю, чтобы чертежи сошлись. — Он кивнул и ушел, оставив после себя легкий шлейф дорогого парфюма и чувство, что где-то там, в другом мире, Лера уже никогда не будет иметь к нам никакого отношения.

Когда остались только свои, наступила тишина. Прекрасная, утомительная тишина после бури. Аня сияла, прижавшись к Милану. Игорь собирал посуду. Андрей смотрел на разгром в гостиной с видом человека, готового к подвигу.

— Ну что, — сказала я, снимая туфли. — Поздравляю молодоженов. А теперь... уборка.

— Ничего не трогайте! — заявила Аня. — Это наш день. Мы и уберем. С Миланом. Идите отдыхать. Оба.

Мы с Андреем переглянулись. Протестовать не было сил. Мы покорно поднялись наверх, в нашу спальню. Он снял пиджак, ослабил галстук и рухнул на кровать. Я села на свой край, чувствуя, как каждая мышца ноет от усталости.

— Ты хорошо держался, — сказала я.

— Ты — тоже.

Он помолчал, глядя в потолок.

— Знаешь, пока я говорил эту речь... я смотрел на них и думал: «Господи, да они же дети». Им страшно. Они не знают, что делают. Но они верят. В друг друга. И эта вера... она такая хрупкая. Ее можно убить одним неверным словом. Одним неловким взглядом. Как мы убили когда-то нашу.

— Мы не убили, — поправила я. — Мы просто... перестали поливать. И она засохла.

— Да. А я вместо того, чтобы искать воду, пошел искать искусственный оазис.

Он повернулся на бок, ко мне.

— Когда они пошли танцевать... ты видела ее лицо? Она смотрела на него, как на чудо. И я вдруг с ужасом понял, что не помню, когда ты в последний раз смотрела на меня так.

— Потому что ты перестал быть чудом, Андрей. Ты стал реальностью. С кучей недостатков, с бытом, с проблемами. А чудеса не выносят реальности.

— А что выносит? — спросил он тихо.

— Дружба, — ответила я не сразу. — Уважение. Привычка. И... желание иногда делать друг для друга маленькие чу-

деса. Как эта арка. Как эти птицы.

Он протянул руку, поймал мою.

— Я хочу научиться делать для тебя чудеса. Маленькие. Из дерева и... из внимания.

— Начни с того, чтобы не замирать, когда играет французский шансон, — сказала я, и в голосе моем не было упрека. Была просто констатация.

— Я постараюсь. Но если вдруг... если я все же замечусь... ты можешь пнуть меня под столом. Или сказать: «Андрей, ты опять в прошлом». Я... я обещаю, что вернусь.

Это было лучшее, что он мог сказать. Не обещание невозможного. Обещание усилия. И просьба о помощи.

— Договорились, — сказала я.

Мы лежали, держась за руки, и слушали доносящиеся снизу звуки: смех Ани, глухой голос Милана, позвякивание посуды. Это были звуки жизни. Нашей продолжающейся, испорченной, но живой жизни.

— Марин, — снова начал он. — Я подумал... после всего этого. После свадьбы. Может, нам... уехать? Ненадолго. Куда-нибудь. Не в Крым. В новое место. Где нет никаких воспоминаний. Ни хороших, ни плохих. Просто... чтобы побыть вдвоем. Не как муж и жена. Как... два реставратора на выездной работе.

Идея была настолько неожиданной, что я засмеялась. Смех вышел хриплым, уставшим, но настоящим.

— Куда, например?

— Не знаю. В Карпаты. В маленький домик. Или на север, смотреть на воду. Без планов. Без обязательной программы. Просто быть. И... попробовать поговорить. Обо всем. Без спешки. Без риска, что нас кто-то услышит.

Я смотрела на него, и вдруг мне дико, до слез, захотелось именно этого. Просто уехать. От этого дома, где каждый угол напоминал о боли. От этих стен, которые были свидетелями и нашего счастья, и нашего краха. Уехать и посмотреть, останется ли между нами что-то, когда не будет вокруг этих костылей в виде детей, обязанностей, общей истории.

— Давай, — сказала я. — Только после того, как Аня на учет окончательно встанет и все будет хорошо.

— Конечно. Я подумаю, куда. И... я все оплачу. На деньги от столов.

Он сказал это с гордостью. И я поняла, что для него это важно. Не просто поездка. А поездка на свои. На честно заработанные. Символ нового начала.

Снизу донесся радостный визг Ани и аплодисменты. Видимо, они закончили уборку. Наша смена забот начиналась завтра. Но сегодня... сегодня был их день. И он, несмотря на все, прошел прекрасно. С трещинами, да. С призраками прошлого, выскочившими на минуту из табакерки. Но также — с бумажными птицами, с честной речью, с танцем перемирия и с зарождающимся планом побега. Побега не от проблем, а навстречу друг другу. В тихое, неизвестное место, где можно будет наконец перевести дух и решить, стоит ли

то, что осталось, той титанической работы по реставрации.

Я сжала его руку в ответ. Завтра будет новый день. А сегодня... сегодня мы просто лежали и слушали, как в нашем доме снова смеются. И это уже было маленьким чудом. Первым за долгое, долгое время.

Глава 16. Высокая вода

План «побега», как мы его в шутку называли, отодвинулся на неопределенный срок. Не потому, что расхотелось. Жизнь, как всегда, внесла свои коррективы. После свадьбы Аня и Милан ненадолго сняли маленькую квартиру неподалеку. Аня официально встала на учет в женской консультации, и ее беременность, наконец, перестала быть страшной тайной, превратившись в рутинный, но от этого не менее волнительный процесс. Каждый визит к врачу, каждое УЗИ – было событием. Милан, к удивлению Андрея, оказался образцовым будущим отцом: ходил на все приемы, заучивал на ломаном русском названия витаминов, и однажды я застала его в нашей гостиной, серьезно изучающего книгу «Йога для беременных».

Андрей погрузился в работу. Заказов на простую, добротную мебель становилось больше. Сарафанное радио работало. Он открыл страничку в соцсетях (с помощью Игоря, конечно), где выкладывал процесс: от необработанной доски до готового стола или полки. Подписчиков было немного, но они были преданными. В мастерскую иногда заглядывали потенциальные клиенты. Однажды он пришел домой возбужденный.

— Представляешь, сегодня приходила женщина, хочет заказать целый гарнитур для кухни. Дерево, ручная работа.

Цена... Марин, это серьезные деньги. На полгода жизни.

— И что, взял заказ? – спросила я, заинтересованно откладывая книгу.

— Взял. – Он выдохнул, как будто сбросил груз. – Боюсь до жути. Такой ответственности не было никогда. Но отказаться не мог. Это... это вызов.

Я видела, как он меняется. Не только внешне – руки все больше в ссадинах и занозах, взгляд сосредоточенный. Менялся он внутри. Вместо вины и самобичевания появилась азартная, здоровая тревога мастера, берущегося за сложную работу. Это было хорошей заменой.

Игорь, убедившись, что корабль семьи более-менее выравнился после шторма, снизил градус своего контроля. Он приезжал раз в неделю, ужинал с нами, дразнил Аню, обсуждал с Андреем чертежи, иногда давал дельные советы по маркетингу. Он стал нашим связующим звеном с внешним миром, но уже не надзирателем, а скорее... старшим братом. Странная роль для сына, но в наших извращенных обстоятельствах она работала.

И вот, в один из таких относительно спокойных вечеров, когда мы вчетвером (я, Андрей, Аня и Милан) доедали ужин, раздался звонок в домофон. Я подошла, ожидая курьера или соседа. На экране – женское лицо, незнакомое, но почему-то очень знакомое. Красивое, усталое, лет пятидесяти, с умными, печальными глазами.

— Здравствуйте, мне к Андрею Сомову, – голос был низ-

ким, приятным.

— А кто вы?

— Я... я его сестра. Ольга.

У меня перехватило дыхание. Сестра. У Андрея была старшая сестра, Ольга. Они не общались лет... десять? Пятнадцать? Ссора была давней, глупой, из-за наследства их умершего отца. Ольга уехала в Питер, и связь оборвалась. Андрей редко вспоминал о ней, а когда вспоминал – хмурился.

— Одну минуту, – сказала я, нажимая кнопку открытия двери.

Я вернулась на кухню. Андрей доедал суп.

— К тебе, – сказала я.

— Кто?

— Ольга.

Ложка со звоном упала в тарелку. Он побледнел.

— Ольга? Что ей нужно?

— Не знаю. Но она уже внизу.

Он встал, вытер рот салфеткой. Мы все сидели, затаив дыхание. Через минуту в дверном проеме кухни появилась она. Высокая, худая, в дорогом, но поношенном пальто. В ее руках была небольшая дорожная сумка. Она оглядела нас всех – меня, Аню, растерянного Милана – и ее взгляд остановился на Андрее.

— Привет, братец, – сказала она. Голос дрогнул.

— Оля, – выдавил он. – Что случилось?

Она вошла, поставила сумку на пол.

— Все случилось. — Она сделала паузу, собираясь с силами. — У меня рак. Грудь. Третья стадия. Лечение в Питере закончилось. Деньги — тоже. Мужа, как ты знаешь, нет. Дети... дети в Европе, у них свои жизни. Мне некуда идти. Кроме как к тебе. Я знаю, мы... мы не в отношениях. Но ты — единственная родня, которая у меня осталась. Мне нужна крыша над головой. Хотя бы на время. Пока... пока не решу, что делать дальше.

Тишина в кухне стала густой, как кисель. Аня ахнула, прикрыв рот рукой. Милан смотрел на пол. Я видела, как по лицу Андрея проходит целая буря эмоций: шок, растерянность, старые обиды, и — поверх всего — что-то вроде щемящей, братской боли.

— Садись, — наконец сказал он глухо. — Выпей чаю.

Так в наш и без того переполненный дом ворвалась Ольга. Новая стихия. Новая боль. Новая забота.

Первые дни были невыносимыми. Она поселилась в гостевой комнате (ту самую, где я ночевала после разоблачения). Она была тихой, не навязчивой, но ее присутствие ощущалось в каждом уголке. Запах дорогих, но лекарственных духов, приглушенный кашель по ночам, ее взгляд — отстраненный, будто она уже наполовину здесь, а наполовину в каком-то другом, страшном измерении.

Она не жаловалась. Не говорила о болезни, если не спрашивали. Она помогала по дому, пыталась мыть посуду, но

руки у нее дрожали. Как-то раз я застала ее в гостиной, она сидела на диване и просто смотрела на деревянный мобиль, качающийся под потолком. На ее лице была такая бездонная тоска, что у меня сжалось сердце.

Андрей вел себя странно. Он не избегал ее, но и не стремился к сближению. Он приносил ей чай, спрашивал, не нужно ли что из аптеки, помогал связаться с московскими онкологами (Игорь, конечно, нашел «самых лучших»). Но разговоров по душам не было. Слишком много лет молчания и взаимных претензий стояло между ними.

Все изменилось через неделю. Ольга, после очередной тяжелой ночи, не вышла к завтраку. Я постучала в ее комнату, вошла. Она лежала, отвернувшись к стене, но по ритму дыхания я поняла, что не спит.

— Оль, можно войти?

— Входи, – ее голос был хриплым.

Я села на краешек кровати. В комнате пахло лекарствами и страхом.

— Как ты?

— Плохо, Марина. – Она перевернулась, и я увидела ее лицо, осунувшееся за ночь. – Страшно. И обидно. И... стыдно.

— Стыдно? Перед кем?

— Перед ним. Перед вами. Что вваливаюсь в вашу жизнь, когда у вас самих... – она махнула рукой, – не сахар. Андрей все рассказал. Про вашу... ситуацию. Он пришел вчера ве-

чером, сидел, молчал, потом вдруг выдал: «У нас тут свои руины». И рассказал. Вкратце. Про ту... Леру. Про все. Я думала, уж он-то, с его любовью к порядку и контролю... а он, оказывается, тоже наломал дров.

Она слабо улыбнулась.

— И знаешь, что я почувствовала? Не осуждение. Зависть. Зависть, что у вас есть шанс. Что вы еще живы и можете что-то чинить. А я... я уже нет.

Я взяла ее руку. Холодную, с тонкой, прозрачной кожей.

— Ты жива, Оля. Пока дышишь – жива. И у тебя тоже есть шанс. На лечение. На ремиссию.

— Шанс – один к десяти, – прошептала она. – И я устала бороться. Приехала сюда не лечиться. Умирать.

От этих слов, сказанных так просто, по коже побежали мурашки.

— Не говори так.

— Почему? Это правда. Я просто не хочу делать это в одиночной палате. Хочу... слышать, как в доме живут. Как смеется племянница. Как брат стучит молотком. Это... это лучше, чем морфий.

В тот вечер я рассказала все Андрею. Мы лежали в постели, и я чувствовала, как он напряжен.

— Она сказала, что приехала умирать, – закончила я.

Он перевернулся на спину, уставился в темноту.

— Черт. Черт возьми.

— Андрей, вы с ней... вам нужно поговорить. Не о болез-

ни. О том, что было. Иначе... иначе будет слишком поздно.

— Я не знаю, с чего начать, — признался он. — Столько лет... мы стали чужими.

— Вы не чужие. Вы просто обиделись и разошлись по разным углам ринга. Но ринг-то один. И он называется «семья». Даже самая паршивая.

На следующее утро он не пошел в мастерскую. Он заперся с Ольгой в гостиной. Я не подслушивала, но временами доносились обрывки фраз: повышение тонов, потом долгое молчание, потом снова голоса, уже тише. Аня, Милан и я сидели на кухне и пили чай, стараясь не обращать внимания.

Они просидели там три часа. Когда вышли, оба были красноглазыми, но какими-то... просветленными. Ольга подошла ко мне, обняла.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что впустила. И за него.

Андрей подошел к окну, смотрел во двор. Потом обернулся.

— Завтра едем к онкологу. К тому, которого Игорь нашел. Будем бороться. До конца. — Он посмотрел на Ольгу. — Как тогда, помнишь? Когда папа нас с тобой на даче от дождя в сарае запер, а мы вдвоем дверь вышибли?

Ольга улыбнулась, и в этой улыбке на миг мелькнула та самая, задорная девчонка.

— Вышибли. Потом он нам еще и всыпал за сломанный засов.

— Стоило того, — сказал Андрей.

Так у нашей и без того сложной семейной конструкции появилась новая, самая хрупкая и самая важная деталь. Ольга. Ее болезнь стала для нас всех шоковой терапией. Вдруг все наши обиды, недомолвки, трещины показались мелкими и неважными. Перед лицом настоящей, не метафорической смертельной опасности вся наша драма поблекла.

Мы стали командой. Я занималась питанием (строгая диета была частью терапии). Андрей возил ее на процедуры, сидел в коридорах клиник, читал медицинские статьи. Аня и Милан развлекали ее, показывали смешные ролики, рассказывали про ребенка. Игорь взял на себя все финансовые и организационные вопросы, действуя с холодной эффективностью, которая сейчас была как нельзя кстати.

Однажды вечером, когда Ольга после химии слабо спала, мы с Андреем сидели на кухне.

— Знаешь, — сказал он, — сегодня, пока она на капельнице была, я думал. Мы с ней столько лет не разговаривали из-за денег. Из-за старого кресла отца и пары десятков тысяч. А сейчас... сейчас я готов все продать, лишь бы у нее был шанс. И понимаю, что она для меня все эти годы была важнее любого кресла. Просто гордыня была сильнее.

— Гордыня — страшный грех, — согласилась я. — Она сжигает все на своем пути. Любовь. Доверие. Годы.

— Да. Я уже однажды чуть не сжег все дотла. Сейчас... сейчас у меня второй шанс. И с тобой. И с ней. Я не упущу.

Ни за что.

Он взял мою руку, крепко сжал. В его прикосновении была нежность, но и какая-то новая, стальная решимость. Решимость человека, который понял цену потерянного времени и больше не намерен его терять.

Ольга стала нашим общим проектом. Проектом, который затмил все остальные. И в этой борьбе за ее жизнь наши собственные раны начали потихоньку затягиваться. У нас не было времени и сил копать в себе. Нужно было действовать. Поддерживать, везти, готовить, утешать. И в этой суете мы с Андреем вдруг обнаружили, что движемся в одном ритме. Без упреков. Без оглядки назад. Просто вперед, к следующему дню, к следующей процедуре.

Как-то раз Ольга, уже после очередного тяжелого дня, сказала мне:

— Вы с ним... вы странная пара. Как будто между вами прошла война, и вы теперь осторожно, минное поле, обходите. Но когда смотрите друг на друга... я вижу. Там еще не все умерло. Глеет. Может, разгореться. Если не задуть.

— Мы стараемся не задуть, – улыбнулась я.

— И правильно. Жизнь, Марина, она как высокая вода. Приходит, сносит все на своем пути: и хорошее, и плохое. А потом отступает. И остается чистый берег. И на нем можно строить что-то новое. Может, даже лучше прежнего. – Она посмотрела в окно. – Жаль, я, наверное, не увижу, что вы на нем постройте.

— Увидишь, — сказала я, и в голосе моем прозвучала та самая стальная решимость, что была у Андрея. — Обязательно увидишь.

И я поверила в это. Впервые за долгое время я поверила не в план мести, не в перемирие, а в простое, человеческое чудо. Чудо того, что в самую темную воду можно бросить якорь и удержаться. И что этот якорь иногда бывает сделан из самых неожиданных вещей: из бумажных птиц, из деревянных мобилей, из тихого голоса сестры, говорящей о высокой воде, и из руки мужчины, которая с каждым днем все крепче и увереннее держит твою.

Глава 17. Счетчик песка

Химиотерапия выматывала Ольгу, как морской прибой выматывает песок на берегу. После каждого курса она на несколько дней превращалась в хрупкую, почти прозрачную тень, неспособную подняться с постели. Потом силы понемногу возвращались, и она выходила в общую зону, садилась в кресло у окна и просто смотрела на улицу. Смотрела так, будто впитывала каждую деталь: как качаются ветки деревьев, как играют дети во дворе, как меняется свет.

В один из таких «светлых» промежутков, когда Аня и Ми-лан ушли на курсы для родителей, а я разбирала бумаги в кабинете, Ольга зашла ко мне. Она держала в руках старую шкатулку, ту самую, что сделал Андрей.

— Можно?

— Конечно, — я отодвинула стопки папок. — Присаживайся.

Она села, открыла шкатулку. Внутри лежала не моя пу-стота, а какие-то бумажки, несколько старых фотографий, ракушка.

— Я тут у вас хозяйничаю, прости, — улыбнулась она. — Нашла это на полке в гостиной. Пустая. Красивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.